

Л.И.Медведко

С.Л.Медведко

**ВОСТОК -
ДЕЛО БЛИЗКОЕ**
*Иерусалим -
святое*

Восток – Запад

Леонид Медведко

**Восток – дело близкое.
Иерусалим – святое**

«Грифон»

2009

УДК 94(569.4251) + 94(470:927)
ББК 63.3(5Изр2Иерусалим)+ 63.3(53)6

Медведко Л. И.

Восток – дело близкое. Иерусалим – святое / Л. И. Медведко —
«Грифон», 2009 — (Восток – Запад)

Авторы этой книги представляют два поколения востоковедов, свидетелей и соучастников самого продолжительного после Второй мировой войны конфликта XX века на Ближнем Востоке. Именно из-за нерешённой проблемы Иерусалима вспыхнул пожар теперешней, как ее назвали за океаном, «глобальной антитеррористической войны». Не здесь ли стоит искать и одну из причин противостояния Запада и Востока, террора-антитеррора? Широкая панорама людей и событий, войн, конфликтов, религиозных споров... Насер и Садат в Египте, король Хусейн в Иордании, Хафез и Башар Асад в Сирии. Суэцкий кризис и тайны «Осени гнева». Расколотый Ливан. Стена плача, христианские и мусульманские святыни Иерусалима... Поле Армагеддона. Религиозные лидеры. Противостояние разведок сверхдержав. Все это заставляет обратить особое внимание на заключительную главу: «Россия перед Третьей мировой или тремя глобальными войнами?» В ней объединены лучшие черты аналитики ГРУ и занимательность изложения. Для читателей, которые интересуются непростой историей XX века, а также перспективами России в условиях глобализации.

УДК 94(569.4251) + 94(470:927)
ББК 63.3(5Изр2Иерусалим)+ 63.3(53)6

© Медведко Л. И., 2009
© Грифон, 2009

Содержание

От издательства	6
Плач и зов «ока мира»	7
Великий замысел и злой умысел	9
От авторов	13
Триединство слова, дела и смысла	15
Глава 1	20
Приобщение к Востоку на Яузе	20
Из русской в турецкую Евразию	25
Турция близкая и далекая. Почему кемализм пережил сталинизм	27
Джихады перед кончиной империи	37
Поля и погосты «африканского Сталинграда»	39
Белый конь без седока	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

**Леонид Иванович Медведко и
Сергей Леонидович Медведко
Восток – дело близкое. Иерусалим – святое:
Мемуарно-историческое повествование**

Издание осуществлено при поддержке Союза ветеранов военной разведки, Института эколого-технологических проблем и НПО «Интеллект-С».

От издательства

Эта книга создавалась долго, как и все, что делается на Востоке, медленно и неторопливо. Авторы ее с трудом поспевали за событиями. Повествование охватывает весь период холодной войны, сравнительно небольшой отрезок времени – с точки зрения Истории. Для сотрудников военной разведки особенно ценно, что книга выходит в юбилейный год – именно в 2008 году эта служба отмечает свое 90-летие. У авторов имелись и личные мотивы, чтобы посвятить свое повествование ветеранам журналистики и военной разведки. Старший из авторов, Леонид Медведко, в самые «горячие» годы холодной войны, перейдя из журналистики в систему ГРУ, был одним из создателей ее оперативно-аналитической службы. Младший, Сергей Медведко, работал сначала военным переводчиком, потом корреспондентом ТАСС и «Литературной газеты» на Ближнем Востоке.

Вступительное слово Чингиза Айтматова поступило в издательство «Грифон» около двух лет назад, в самый разгар израильско-палестино-ливанской войны. Всемирно известный писатель-гуманист предупреждал тогда о непредсказуемых последствиях насилия и террора, которые охватывают души людей, исповедующих разные религии. Отдавая дань особой признательности Чингизу Айтматову за вклад в реализацию замысла этой книги, авторы откликнулись на трагическую весть о его кончине, предпослав отдельное посвящение светлой памяти своего многолетнего друга и коллеги.

Книга выходит в хорошо известной читателям серии «Восток – Запад», которую в 2005 г. открыл фундаментальный труд Олжаса Сулейменова «Аз и Я». В этой же серии, посвященной взаимодействию и противостоянию культур и цивилизаций, «болевым точкам» нашего времени, издавались книги Р. Оганяна «Курды в пламени войны» (2005) и «Театр террора» (2006), А. Брасса «Миссия выполнима. Удары израильского спецназа» (2007), сборник «Москва – Кавказ. Россия “кавказской” национальности» (2007).

Книга обсуждена и одобрена отделом комплексных и международных проблем Института востоковедения РАН.

Издательство оставляет за собой право соглашаться или не соглашаться с содержащимися в заключительной части книги оценками и выводами авторов. Ряд их рекомендаций и прогнозов, на наш взгляд, заслуживает того, чтобы послужить не только источником информации, но и дополнительным стимулом к размышлению.

Плач и зов «ока мира»

*Светлой памяти Чингиза Айтматова, многолетнего друга,
соратника-сверстника и коллеги.*

Весть о неожиданной кончине Чингиза Айтматова на всех, кто давно его знал, многие годы работал и дружил с ним, обрушилась, словно обвал в горах. Название его последнего романа «Когда падают горы» воспринимается теперь как пророческое. В одночасье будто рухнули все вершины сразу. Потом, как это иногда бывает, внезапно наступает тишина, а побратимы легендарного Манаса, которые круглый год не снимают со своих вершин снежные шапки, продолжают, как прежде, сиять и отражаться в водной глади Иссык-Куля в лучах заходящего солнца. И не случайно Великого Акына Киргизии при прощании сравнивали с героем киргизского эпоса Манасом...

В годы «перестройки» Чингиз Айтматов выступал зачинателем Международного движения деятелей литературы и культуры. Многие он успел сделать и для возрождения Иссык-Кульского форума в наступившем безвременье после «катастрофы».

Похоронили Чингиза по мусульманскому обряду близ Бишкека на территории мемориала, называемого «Могилей отцов», недалеко от могилы расстрелянного в годы сталинских репрессий его отца Торекула Айтматова. В скором времени на этом месте будет, наверное, воздвигнут памятник Великому Акыну, пророку и апостолу веры в общечеловеческие идеалы гуманизма. Этой вере он служил всю свою творческую жизнь (как писал Чингиз, «препоручая себя Слову-Богу»). Слово Чингиза звучало на конференциях Иссык-Кульского форума и продолжает жить в его книгах, переведенных на многие языки мира. Все его творчество и неразрывно связанная с ним общественная деятельность предстают теперь тоже как служение и препоручение себя Слову-Богу.

Проходившая более четырех лет назад тоже по инициативе Чингиза Айтматова Международная конференция ЮНЕСКО на Иссык-Куле стала своего рода подарком к 75-летию писателя¹. Именно от Чингиза я тогда узнал, что Иссык-Куль, самое соленое высокогорное озеро в мире, в народном киргизском фольклоре называют Оком мира. Не удивлюсь, если после завершения в Киргизии дней всенародной скорби, после всех пролитых слез, это озеро станет еще более горьким...

Можно сказать, перефразируя слова Маяковского, что Чингиз ушел, своего не дожив, своего не долюбив. Не успел он многое из того, что замышлял сделать. Придется без него завершать начатые с его участием в Татарстане съемки фильма по роману «И дольше века длится день...». Без задуманной им статьи выйдет, наверное, и очередной номер воссозданного тоже с его личным участием альманаха «Евразийские тетради». Без него будут переиздаваться книги, переведенные уже в 156 странах мира. В Турции, где в начале 2008 года кандидатуру Чингиза Айтматова выдвинули на Нобелевскую премию по литературе, состоится презентация его юбилейного собрания сочинений. Без него соберется жюри по присуждению молодым писателям премии «Дебют».

Чингиз ушел, не дождавшись выхода в свет нашей общей книги «Восток – дело близкое, Иерусалим – святое». Общей – потому, что Чингиз Айтматов (вместе с Константином Симоновым, Расулом Гамзатовым, Давидом Кугультиновым, Мустаем Каримом, Радием Фишем, Григорием Поженяном и другими писателями-фронтовиками) – не только один из героев этой книги, но и в определенной мере ее инициатор. При всей своей занятости он успел все же написать к ней вступительное слово. В книге упоминаются также имена Георгия Гачева и Риммы

¹ Тогда же была опубликована статья в «Литературной газете» – ««Око мира» вглядывается в мир».

Казаковой. Незадолго до Чингиза они тоже ушли так неожиданно, что до сих пор трудно в это поверить. Каждый из них думал, как жить, но не задумывался, как умирать.

После кончины Чингиза Айтматова раскрылся глубокий философский смысл названия его романа – «Когда падают горы» с подзаголовком «Вечная невеста», которые символизируют веру в высокое предназначение Человека-Творца в его беззаветном служении Слову-Богу. В подаренной мне его последней книге рукой Чингиза написано несколько очень дорогих для меня слов: «Мы свои – и в Слове, и в Деле. Ч.А...» Общих дел у нас, конечно, было немало: в Интеллектуальном альянсе цивилизаций, в Международном антитеррористическом медиа-форуме, в фонде «Иссык-Кульский форум», в Международном фонде Евро-Азиатской интеграции...

На моей совести остался и не осуществленный при его жизни наш совместный проект – издание альманаха «Мегаконтинент миров». Ведь Евразия – это родина всех ныне сохранившихся живых цивилизаций.

Стараясь поспешать за живой историей, мы часто забываем, что ход самой жизни может не поспевать за событиями. Особенно, когда жизнь катится все стремительнее от одного юбилея к другому, напоминая о том, что каждый из них может омрачиться невосполнимыми потерями. Храня память в сердце о так неожиданно ушедшем Чингизе Айтматове, по-новому начинаешь понимать слова суфийской мудрости: «Когда сердце оплакивает утрату, дух способен возрадоваться тому, что находишь».

Прости, дорогой Чингиз! И спасибо за все, что помог нам обрести.

*Леонид Медведко,
вице-президент Международного фонда
Айтматова «Иссык-Кульский форум»*

Великий замысел и злой умысел Вступительное слово

В начавшемся на переходе двух столетий глобальном противостоянии сил Добра и Зла обе стороны пытаются его освятить именем Бога.

Те и другие, сами того не сознавая, затуманивают Высокий Замысел и продолжают множить злой умысел, который порождает и воспроизводит манкуртов. Терроризм выступает тоже как одно из проявлений этого образа, перенесенного из средневековой эпохи в наше время. Об этом шла речь и в моей повести «Белое облако Чингисхана». Если манкуртизм продолжать «освящать» именем Бога, то в этом случае и самому Творцу начинает отводиться роль антипода как Великого земного, так и божественного Замысла. Об этом я тоже писал в не публиковавшейся ранее главе романа «И дольше века длится день». Только в постсоветское время она была напечатана под названием «Препоручение Богу».

Претензии глобализма распространяются ныне до соперничества с самим Богом. Злой умысел глобализма проявляется и в стремлении Запада под видом «реформирования» навязать свою волю Востоку.

После того как самый близкий к Центральной Азии и к России Восток стал называться «Большим Ближним Востоком», Иерусалим уподобился некоему глобальному «камню преткновения» в силовом продвижении демократии по-американски.

Совместный труд журналистов и ученых-востоковедов в двух поколениях Леонида и Сергея Медведко «Восток дело – близкое. Иерусалим – святое» выходит в год, когда начатые после 11 сентября 2001 года войны «Несгибаемой свободы» в Афганистане и «Свободы без границ» в Ираке продолжают уже дольше, чем Великая Отечественная для Советского Союза и Вторая мировая – для Запада. А главное же – это то, что конца им до сих пор пока не видно.

Для меня, человека, родившегося в Центральной Азии и большую часть своей жизни прожившего сначала в Восточной, а затем в Западной Европе, такое название книги более чем созвучно. Вполне допускаю, что она в чем-то может и насторожить не только верующих христиан, мусульман и иудеев. Ведь для многих людей, связанных с культурой этих трех религий, Иерусалим каждому по-своему предстает как «дело святое».

Прошло уже более шести десятилетий с тех пор, как ООН установила для него режим города с международным статусом. Могу предположить, что многовековой спор вокруг Иерусалима с наслонившейся на него не менее острой палестинской проблемой и стал той глубинной, в чем-то иррационально-мистической причиной разразившейся уже в новом столетии «глобальной войны» террора-антитеррора.

Есть особая роль Правдивого Слова. Оно должно противостоять злему умыслу международного убийственного терроризма. Уже то, что каждая сторона по-своему вызывает к религии, требует глубокого осмысления происходящего. Главный его смысл состоит в глобальной взаимоуязвимости всего, что ныне происходит с людьми и государствами. От террора не застрахованы ни один человек и ни одна страна, ни дети, ни их защитники.

Одного из авторов этой книги, моего давнего друга Леонида Медведко, спасла от гибели лишь чистая случайность. Он должен был вылететь 10 сентября 2001 года из Москвы в Нью-Йорк (для выступления на Специальной сессии ООН с докладом «Терроризм – угроза детству»). Внезапный инсультный «микроудар» на аэродроме Шереметьево уберег Леонида от смертельного удара, жертвой которого он мог бы стать. В одном из рухнувших на следующий день небоскребов на Манхэттене для него был забронирован гостиничный номер – «с видом на

весь Нью-Йорк». Но на следующий день в больничной палате Института неврологии по телевизору он увидел страшное зрелище, за которым с ужасом наблюдал весь мир. Для него не стало большим сюрпризом то, что почти все террористы-смертники оказались выходцами из мусульманского мира, который внезапно стал столь опасно близким даже для Америки.

Авторы книги неслучайно особо выделили религиозно-цивилизационную составляющую в противоборстве террора-антитеррора. Началось оно сразу вслед за Второй мировой войной далеко от Америки: сначала на Индостанском субконтиненте, а потом на Ближнем Востоке. Сравнительно недавно это противоборство приобрело поистине глобальные масштабы. Насилие и террор могут охватывать души людей, исповедующих разные религии. Возникающие между ними конфликты чаще всего и провоцируют террористические атаки, подобные «битве под Манхэттеном».

Наглядным примером того, как начинаются и не кончаются подобные войны, могло бы послужить и развитие межрелигиозного конфликта между индуистами и мусульманами в пост-колониальной Индии. Он возник вокруг знаменитой мечети в городе Аядохья в Центральной Индии. Насколько известно, она была построена в XV веке нашим ферганским соотечественником Бабуром. Тем самым Бабуром, который не только писал стихи, но и создал империю Великих Моголов в Северной Индии. Мечеть эта простояла гораздо дольше, чем небоскребы Манхэттена.

Но вот в конце уже XX века вспыхнул вдруг спор. Поначалу индуисты стали утверждать, что эта мечеть построена на том месте, где когда-то якобы родился бог Рама – герой эпоса Рамаяна. Была ли эта личность историческая, достоверно неизвестно. Археологических подтверждений места его рождения, во всяком случае, не найдено. Но миф оказался сильнее и агрессивней реальностей. В ходе разразившегося конфликта мечеть была разрушена. На ее руинах и начались взаимные убийства, принявшие форму взаимного терроризма. Это повлекло за собой беспорядки и погромы в Бомбее.

Спрашивается, где здесь здравый смысл и как его отделить от Высокого Замысла или злого умысла? Неужели нельзя было достичь взаимопонимания без разжигания взаимовражды и терроризма?

Нечто подобное ныне происходит и на Ближнем Востоке. Но на этот раз – уже не только между палестинскими арабами и израильскими евреями, но и разными мирами. Каждая сторона продолжает проявлять свой неукротимый эгоизм и экстремизм. Они способны нести людям только муки, страдания и жертвы. И эта война на Святой земле может длиться дольше века...

Для современной России и стран СНГ «расширенный» или Большой Ближний Восток, в границы которого включены Вашингтоном без их спроса вся Центральная Азия и Южный Кавказ, безусловно, стал зоной опасности. После громких событий во Франции и в ряде других европейских стран, которые разворачивались на моих глазах, я мог воочию убедиться, что Восток для Запада тоже становится близким и взрывоопасным. В этих событиях проявляется мучительный процесс их притирания.

Что касается Иерусалима, то этот Вечный город, называемый «Святым», (по-арабски – «Аль-Кудс»), недаром на протяжении всей своей длительной истории был не только постоянным местом притяжения, но и остается вечным «яблоком раздора».

До сих пор этот раздор все еще продолжается. Может быть, именно нерешенность исторического спора между иудеями, христианами и мусульманами – для кого из них Иерусалим является более святым – и стала одной из причин не только конфликта на Ближнем Востоке, но и потрясений на Кавказе. В западноевропейских странах немало теперь эмигрантов, бывших «революционеров» и «воинов Аллаха». Один из них мне говорил, что если Садам Хусейн

шел освобождать Иерусалим через Кувейт, то и чеченские боевики тоже могут держать путь в Иерусалим через Буденновск или Москву...

Именно из нерешенной проблемы Иерусалима «выросли ноги» теперешней, как ее назвали за океаном, «глобальной антитеррористической войны». Не здесь ли стоит искать и причину противостояния Запада и Востока, террора и антитеррора?

Авторы в своей книге главный акцент делают не столько на привычном для нас социально-классовом аспекте, сколько на религиозно-цивилизационной составляющей этой «глобальной войны».

Это – особого рода война. Силы в ней неравные. Во многом – несопоставимые. Но главная ее особенность и опасность кроются в сакрализации самой такой «войны». Обе стороны пытаются «освятить» ее именем Бога. Международный терроризм пускает ныне в ход свое дьявольское оружие массового устрашения. Жертвами его становятся не только шахиды-смертники, но и гибнущие ни в чем неповинные мирные люди. Они гибнут как от «священной войны» (джихада-терроризма), так и от ответных возмездных ударов сил антитерроризма (операция «Шок и трепет»).

Приводимый в книге пример, как в сирийской деревне был разрешен спор христианина с мусульманином (что было раньше у Бога – Слово или Дело), удивительным образом перекликается с древней мудростью киргизско-казахского фольклора: «Слово выпасает Бога на небесах. Слово доит молоко Вселенной и кормит нас тем молоком вселенским из рода в род, из века в век. И потому вне Слова, за пределами Слова нет ни Бога, ни Вселенной – и нет в мире силы такой, превосходящей силу Слова, и нет в мире огненного пламени, превосходящего жаром пламя и мощь Слова». Но оно способно «выпасть Бога», только если созвучно Высокому Замыслу, а не злему умыслу, рождающему «каинов грех». По Корану, этот грех не первородный, а первоубийственный. Теперь такой грех многократно приумножается в несвященной «войне» террора-антитеррора.

Невиновные люди оказываются в ней заложниками смерти. Они принимают ее как от террористов, так и от сил антитерроризма. В таком противостоянии Восток становится столь же близко опасным для Запада, как и Запад – для Востока. Ничто уже не мешает сойтись им лицом к лицу с врагом в такой войне всех против всех. Как говорится в Коране, смерть одного невинного человека равноценна гибели всего человечества. Если это так, то продвижение такой ценой к свободе и демократии по западному образцу может привести к гибели самой человеческой цивилизации. Вряд ли такое может свершаться по «воле Аллаха, Милостивого и Милосердного», соответствовать Высокому Замыслу и Божественной Эманации.

Как же могло случиться, что Высокий Замысел все труднее стало отличать от злого умысла именно на Библейских землях, колыбели трех религий?

Поиску возможных ответов была посвящена одна из международных конференций ЮНЕСКО на Иссык-Куле – «Евразия XXI: диалог культур или конфликт цивилизаций?» (работой одной из секций руководил профессор Леонид Медведко). В книге эти проблемы рассматриваются не столько через призму межкультурных отношений, сколько противостояния различных культур – «культуры мира» и «антикультуры войны». Теперь они противостоят не только под религиозными лозунгами. Нередко этому способствуют силовое «утверждение свободы» и «продвижение демократии».

В конце прошлого века известный английский ученый Арнольд Тойнби, предвосхищая неясные перспективы наступавшей эпохи глобализации, писал: «Будущий мир не будет ни западным, ни незападным. Он унаследует все культуры, которые мы заварили в одном тигле». После того как Запад возвел свои «строительные леса» из достижений науки и высоких технологий, международного права и принципов демократии, другие цивилизации, по предсказанию Тойнби, тоже будут стараться внести какие-то свои коррективы. В таком случае глобализация

должна предстать как сопрягающее взаимодействие различных цивилизаций в их информационном и духовном взаимообогащении.

В колониальную эпоху Редьярд Киплинг провозгласил: «Запад есть Запад, Восток есть Восток». Но само евразийское положение России заставляло выработать инстинкт самосохранения – не противопоставлять себя ни Западу, ни Востоку. Теперь Евразия стала другой по обе стороны от Каспия и Черного моря, от Урала и Кавказского хребта. Другими стали теперь и Европа, и Азия.

Человечество не может допустить, чтобы злой умысел мог бы взять верх над вселенским Высоким Разумом!

Чингиз Айтматов

От авторов

Посвящается ветеранам военной разведки и коллегам-востоковедам, живущим и ушедшим, хранимым в памяти пожизненно.

Авторы этой книги представляют два поколения востоковедов, которым довелось стать свидетелями самого продолжительного после Второй мировой войны конфликта XX века на Ближнем Востоке. Многие наши коллеги, которым посвящается эта книга, были причастны к его живой истории. Она остается живой до тех пор, пока подкрепляется и подпитывается воспоминаниями участников и свидетелей. Именно так происходит постоянное сопряжение прошлого и настоящего, образуя то, что современные футурологи называют Будущим Прошлого.

Мы решили обратиться к жанру мемуарно-исторического повествования, поскольку стремились основываться не только на официальной или предвзято документированной (а нередко преднамеренно искажаемой) исторической информации, но и на рассказах очевидцев.

Старший из авторов, представитель поколения отцов, – свидетель с большим стажем. Его сын и соавтор уступает отцу как аксакалу право вести повествование от первого лица. Поэтому текст младшего соавтора подписан его инициалами – С.М.

Оба мы считаем своим долгом выразить глубокую благодарность всем нашим коллегам: ученым, ветеранам Вооруженных сил и разведки, журналистам и дипломатам, за то, что они пожелали поделиться своими воспоминаниями, а также собственным видением все еще продолжающегося конфликта на Ближнем Востоке. Прежде всего, мы благодарим наших многолетних друзей: академика РАН Е.М. Примакова и Н.А. Симония, членов-корреспондентов РАН А.М. Васильева, Н.П. Шмелева, Л.А. Грибова, профессоров Г.И. Мирского, В.Э. Шагаля, К.Н. Брутенца, А.И. Медового. Встречи и беседы с ними были источниками приятных эмоций и полезных сведений. Особая признательность – недавно покинувшему нас всемирно известному писателю Чингизу Айтматову за поддержку и одобрение замысла этой книги.

Мемуарно-исторический жанр обязывает нас вспомнить и о других соратниках и друзьях. Многих из них тоже уже не стало. Их жизнь оказалась короче ближневосточного конфликта... За прошедшие десятилетия процесс его урегулирования не столько продвинулся вперед, сколько зашел в тупик. За это время продолжал сужаться круг людей, с которыми, говоря словами Пушкина, можно было бы вспоминать «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

Ушли из жизни еще в прошлом столетии наши наставники, ученые с мировыми именами: Владимир Гордлевский, Евгений Беляев, Людмила Полонская, Игорь Беляев. Уже в новом веке покинули нас академик Глеб Старушенко, знаток арабского языка Григорий Шарбатов, кладезь знаний по Индии и странам Персидского залива профессор Григорий Бондаревский. По трагическому стечению обстоятельств он и академик Зия Буниатов пали жертвами криминального террора в то время, когда только начиналась «война террора-антитеррора» в Ираке и на близком от нас Ближнем Востоке. В расцвете сил ушел, так и не пережив все еще продолжающийся кризис в Ливане, другой наш учитель и коллега Игорь Тимофеев. Раньше времени оборвалась жизнь яркого дипломата, нашего товарища Виктора Посувалюка, прошедшего славный путь от переводчика-арабиста до замминистра иностранных дел и Специального представителя Президента РФ по ближневосточному урегулированию. Уже в новом столетии мы похоронили автора фундаментальных исследований по Палестине, участника многих переговоров по ближневосточному урегулированию, дипломата и ученого, друга нашей семьи Евгения Пырлина, считавшего себя ровесником палестинской проблемы.

Один за другим, кто безвременно, кто трагически, ушли из жизни наши друзья – писатели, поэты, ученые, дипломаты и журналисты: Константин Симонов, Расул Гамзатов, Давид

Кугультинов, Мустай Карим, Радий Фиш, Вадим Румянцев, Томас Колесниченко, Константин Вишневецкий, Александр Смирнов, Александр Ступак, Вадим Щенников, Георгий Шеленков, Михаил Кожевников, Константин Гейвандов, Борис Пенинский, Игорь Ростовцев, Игорь Симантовский, Юрий Романченко. Не остается никаких сомнений, что во времена диктаторского режима в Ираке наш коллега-тассовец Александр Болматов стал жертвой террора. В расцвете творческих сил ушли из жизни арабисты и военные разведчики Юрий Петровский и Владимир Павлов. Ушли ветераны разведки: генералы Петр Ивашутин, Константин Сеськин, Александр Мнацаканов, Вадим Кирпиченко. Безвременно оборвалась жизнь известного ученого-экономиста Рубена Андреасяна и его достойного ученика Александра Примакова. Скоропостижно скончался шеф-редактор «Грифона» Роберт Оганян... С одними нам довелось работать, с другими – дружить.

Во многих жизненных перипетиях (а тем более в работе над книгой) мы постоянно ощущали помощь и поддержку наших друзей: послов РФ Роберта Маркаряна в Сирии, Анатолия Барковского в Ираке, Андрея Захарова в Египте и ОАЭ, Юрия Грядунова в Иордании; корреспондентов РИА «Новости» Дмитрия Осипова и Александра Краснова в Дамаске, Константина Максимова и Петра Давыдова в Бейруте; генералов и офицеров ГРУ Генерального штаба Михаила Иванова, Сергея Крахмалова, Николая Иевлева, Льва Ядрошеникова; востоковедов Юрия Тыссовского, Андрея Германовича, Валерия Яременко.

За помощь при издании книги особо благодарим Председателя Союза ветеранов военной разведки генерал-лейтенанта Юрия Бабаянца и полковника запаса Сергея Трегуба. С ними нам тоже довелось не один год работать в Москве и на Арабском Востоке.

Выражаем глубокую признательность за финансовую поддержку в издании книги президенту НПО «Интеллект-С» профессору Ивану Мазуру и директору Института эколого-технологических проблем профессору Константину Ефимову.

Благодарим за материально-техническое обеспечение при работе над книгой сопредседателей Фонда Евразийской интеграции Валерия Островского и Петра Сулова, а также научного сотрудника Аналитического центра ФЕАИ Гульнару Устобабаеву.

Не можем не вспомнить и о наших тылах. Большое спасибо верным спутницам и помощницам – Елене Калининковой-Загрековой, Ольге Медведко, Елене Медведко, вдохновлявшим нас и постоянно укреплявшим в нас веру в успешное завершение этого труда, а также представителям третьего поколения нашей журналистской семьи – Алексею Германовичу и Дмитрию Медведко.

Да простит читатель столь длинный перечень упомянутых нами имен. Все эти люди были и остаются соучастниками и свидетелями нашей общей живой истории, представленной в мемуарной части нашего повествования.

Триединство слова, дела и смысла Вместо предисловия

*Мчался он бурей, темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.*

Н.Гумилев «Заблудившийся трамвай»

В каждом селении, как и в каждом Отечестве, есть свои мудрецы под стать пророкам. С одним из них мы столкнулись недалеко от Дамаска во время съемок документального фильма «По стопам пророков и апостолов». Само название этой деревни – Маалюля – в переводе с арамейского означает «Место вхождения». Оно ведет свою историю тоже со времен пророков. Что отличает Маалюлю от всех святых мест – это сами ее жители. Они живые носители «речевой святости» – одного из диалектов мертвого древнеарамейского языка. По сей день здесь не только на нем говорят, но и читают молитвы в местных христианских храмах. Как объяснил настоятель одного из них, на том же языке проповедовал и говорил сам Иисус Христос. В деревне уверены, что и патриарх всех пророков Авраам (Ибрагим) сначала жил в Дамаске (хотя родом был из Ура Халдейского в современном Ираке, а к концу жизни обосновался около Иерусалима в Хевроне). И говорил он тогда не на иврите, а на своем родном арамейском, как Иисус Христос. На земле мало кто теперь говорит на этом языке. А вот в Маалюле он по-прежнему живой. В этом здесь видят одно из доказательств того, что дух Авраама и Иисуса продолжает жить на этой земле. Если, по Евангелию, сначала было Слово от Бога, то это же Слово и осталось здесь в наследство от его Сына.

Участвуя в съемках фильма по библейскому сюжету, авторы стали свидетелями спора между двумя жителями деревни – христианином и мусульманином. Разрешить его попросили старосту деревни. Суть его сводилась к извечной проблеме – что было в начале, Слово или Дело? Христианин, ссылаясь на Библию, утверждал, что в начале было Слово. Мусульманин, исходя из ежедневно совершаемого им ритуала, доказывал, что в начале было все же Деяние или Дело. Ссылаясь он при этом на Коран и на собственный опыт. Прежде чем произносить молитву, он совершает омовение, становится на колени, бьет поклоны. Спор велся то на арабском, то на арамейском. Разрешил этот спор хозяин дома, где нас принимали, всего несколькими словами. Мы попросили их перевести поточнее. Оказывается, ответ был очень простым: в начале был Смысл. Оба спорщика быстро с этим согласились. Но у нас все же остались сомнения: в чем же все-таки смысл таких злых деяний, как бессмысленные убийства, называемые ныне террором? Об этом теперь здесь тоже много говорят и спорят.

Вечером обоих спорщиков мы встретили на шумном и веселом праздновании Дня Обретения Креста. Такие торжества в Маалюле устраиваются ежегодно дважды: 14 сентября – в День Обретения Креста Господня в Иерусалиме и 24 сентября – в День Святой Феклы (Теклы), первой ученицы и сподвижницы апостола Павла. Праздники эти традиционно отмечаются здесь совместно христианами и мусульманами. Впрочем, как и по соседству в Сейд-Найе; вместе их отмечают и во многих кварталах Дамаска.

В Маалюле настоятель монастыря Святого Сергия (одного из древнейших в мире) отец Виктор на нашу просьбу раскрыть смысл этих празднеств, объяснил, что Святая Фекла основала в Маалюле первый в христианском мире женский монастырь. Кстати, у моего сына, работавшего в Дамаске собкором «Литературной газеты», появился тогда на свет тоже сын Алек-

сандр (вместо ожидаемой мною внучки). Настоятельница мать Пелагея пригласила окрестить и его, и нас в монастыре Святой Феклы. Так, почти экспромтом, все три поколения нашей семьи крестились в той самой Маалюле, где хранят верность не только пророкам трех религий, но и священному языку, где проповедуют в основе своей общую веру в Высокий Божий Замысел.

После обряда крещения нас пригласили в монастырскую трапезную. Там нас ожидали другие гости настоятельницы. В том числе – представитель местной Антиохийской патриархии. Он сказал, что принятие крещения в храмах Антиохийской церкви, освященных пребыванием в них первых апостолов, означает приобщение не просто к одной из христианских церквей, а к христианству в целом. В те времена, когда основывался этот монастырь, при апостолах Петре и Павле, христианство было единым. Да и местные мусульмане издавна считали себя последователями Ибрагима, патриарха всех пророков – Авраама. Его как евреи, так и арабы признают своим «отцом», общим прародителем иудаизма и ислама. «Так что вы сегодня, – заключил иерарх, – получив благословение здесь, в Маалюле, приобщились к общей древней вере. Здесь до сих пор люди хранят верность языку Авраама и Иисуса, а общаются между собой кто на арамейском, а кто – на арабском, родном языке пророка Мухаммеда».

Через несколько лет я невольно вспомнил эти напутственные слова перед Собором Парижской Богоматери. На его фронтоне среди всех пророков и апостолов первым изображен Авраам. Люди всех вероисповеданий со всего мира останавливались здесь в почтительном молчании. Подумалось мне тогда, что может наступить такой день, когда последователи разных религий и учений, разуверившись в самых разных «единствах» (пролетариев, евреев, мусульман, буддистов, ахмадийцев и др.) рано или поздно объединятся, убедившись, в конце концов, в едином для всех Великом и Высоком Замысле торжества Добра над Злом, Жизни над Смертью, Божественного Смысла над дьявольским умыслом...

Монастырь Святой Феклы с храмом, где мы приняли тогда крещение, расположился у входа в глубокое длинное ущелье, словно расколовшее высокую гору. За ней когда-то Фекла и скрылась от римских воинов-преследователей. Отмечаемый здесь праздник Обретения Креста связан с радостным событием, когда императрица Елена обнаружила в Иерусалиме Крест Господень в 325 году. Тогда эта благая весть передавалась в Константинополь с помощью костров на вершинах самых высоких гор по пути следования императрицы. Проезжала она и мимо Маалюли. В честь этого и повелось с тех пор разводить самый большой костер на горе, где стоит ныне женский монастырь, и озарять разноцветными огнями всю деревню. «Обретение Креста Господня, – пояснил отец Виктор, – празднуется сообща христианами и мусульманами как день торжества Жизни над Смертью, победы Добра над Злом...»

На обратном пути наш коллега-арабист Дмитрий Осипов, один из сценаристов фильма, задал вопрос. Если в начале был Смысл, то это слово может считаться синонимом понятия «Божий Замысел». Но тогда какой же замысел мог быть при свершении Каином первого братоубийства? Оно, по местной традиции, тоже было совершено недалеко от жилища Авраама под Дамаском на горе Касьюн в предгорьях Хермона...

Может быть, отсюда начал свой путь по белу свету затерявшийся в бездне времен современный Ноев ковчег, который, подобно гумилевскому «Заблудившемуся трамваю», не знает, куда он несется и где остановится...

В ту памятную для нас поездку осуществить телепроект до конца по разным причинам не удалось. С тех пор терроризм, шествуя по всему миру, вызвал уже «глобальную антитеррористическую войну». Теперь особенно остро встал давний, мучающий всех вопрос: есть ли у ее участников моральное право освящать терроризм какой-либо религией? Как можно выдавать его за «Замысел» или «Промысел Божий»? Если каинство является «дьявольским умыслом», то какой смысл было вести более 15 тысяч войн за почти шесть тысяч лет, как это считается по еврейскому календарю после сотворения мира?

Сравнительно недавно бывший президент США Ричард Никсон в своей книге «1999 – победа без войны» попытался подвести главный итог ушедшего столетия. Он назвал его самым кровавым в истории человечества: в 130 войнах погибло более 120 миллионов человек. «Это был, – приходит к заключению Никсон, – наихудший век в истории по числу убитых на войне, но и лучший по масштабам в мирное время прогресса». Увы, для Ближнего Востока ни конец прошлого, ни начало нового столетия не уменьшили масштабы разного вида убийств, особенно худшего из них – терроризма. По мнению Никсона, третья мировая война началась именно в этом регионе – еще до того, как 60 лет назад Черчилль провозгласил начало «холодной войны». Конец «самому длительному конфликту века» пока не видно. Тем более на Ближнем Востоке. Теперь он, по новой стратегической концепции Буша-младшего, в своих «расширенных» границах вплотную приблизился к южным рубежам России. Он охватил часть постсоветской Новой Евразии, а также Китая, Пакистана, Индии.

Как журналистам, в прошлом нам приходилось иметь доступ к той информации, которая ранее считалась закрытой. Иногда в целях пропаганды волей-неволей надо было выступать в роли трансляторов «информационных шумов», а не достоверной исторической информации. Не знаем, насколько достоверны воспоминания тех, кто был в Фултоне, когда в присутствии президента США Черчилль объявил о начале холодной войны. Именно провозглашенная после этого «доктрина Трумэна» применительно к Ближнему Востоку реализовала пожелание одного из американских сенаторов, который после выступления Черчилля заметил, что холодная война может быть кое-где и «погорячее». «Горячие точки» покрыли Ближний Восток – не только Святую землю Палестины, но и другие Библейские земли.

Большинство из них так и не остыло до сих пор. После распада блоковой системы «постхолодный мир» может стать «погорячее» «холодной войны». Практически с детского возраста в столкновениях принимают участие все новые поколения бойцов. Около шести конфликтов произошло за шесть десятилетий арабоизраильских войн (не считая десятка других военных кризисов). Пока они следовали один за другим, и в России, и на Ближнем Востоке сменилось несколько поколений лидеров. В начале 2006 года ушел из жизни эмир Кувейта Джабер, последний, наверное, из политических патриархов с кем приходилось мне (Л.М.) встречаться при жизни его отца шейха Ас-Сабаха. Со смертью правителей ОАЭ, Кувейта, президента Сирии Хафеза Асада, бессменного «Раиса» палестинцев Арафата и ухода с политической сцены Израиля генерала Шарона произошла полная ротация политических деятелей Ближнего Востока. Насколько новое поколение лидеров окажется способным разрешить конфликт без видимого пока конца – покажет время.

Войны на Библейских землях – это не совсем те «классические» войны, которые характеризуются на Западе как «продолжение политики иными, силовыми средствами». Они сами нередко становились продолжением незавершенных или прерванных войн, освященных той или иной религией. Возникавшие здесь «бури» вместе с «кризисными воронками» часто получали мощную подпитку с определенной этноконфессиональной окраской.

Религия выполняла роль и морального утешителя, и политического агитатора при «правовом» обосновании конфликтов. Такой ее роль и осталась поныне. В Израиле эту функцию взяла на себя появившаяся сто лет назад религиозно-политическая идеология сионизма. В арабском мире, где доминировала идеология арабского национализма, обоснование войны ныне взял на себя ислам. В некоторых странах политический ислам переплетался, как принято было считать, с антиимпериализмом «социалистической ориентации», называвшим себя и «арабским», и «исламским социализмом», а ныне – исламистским «авангардом антиглобализма».

С победой «исламской революции» в Иране ислам стал еще громче заявлять о себе и на международной арене. При этом каждая из авраамистических религий начинает претендовать на свою исключительность (и отсюда на свое исключительное право единолично владеть

Святой землей и самим Иерусалимом). После «ничейного исхода» арабо-израильской войны в октябре 1973 года идеи радикального исламизма, религиозно-политического сионизма и американского евангелистского неоконсерватизма схлестнулись в глобальном противоборстве террора-антитеррора. Эпицентром этого противоборства становится теперь уже «расширенный» Большой Ближний Восток. Религия без ее гуманистической сердцевины превращается в одно из опаснейших оружий массового устрашения, которому Запад противопоставляет свои виды современного оружия массового поражения. Дело идет к тому, что такое противостояние террора-антитеррора может вылиться в самоубийственную глобальную войну «всех против всех». «Ядерный Армагеддон» превращается из образа Апокалипсиса Иоанна Богослова в реальную угрозу.

Бывшие великие и сверхдержавы (прежде всего США и Россия) действовали там за кулисами, а нередко и сами были участниками конфликтов на самом горячем раунде холодной войны. Теперь сами они стали не только партнерами в объявленной войне «международному терроризму», но и в разной степени – заложниками этого зловещего монстра. Таков главный итог противостояния, навязанного друг другу 60 лет назад. Вот почему вопрос о победителях и побежденных в холодной войне не имеет того однозначного ответа, какой не так давно любили искать публицисты и некоторые историки и политологи.

Ни мира, ни безопасности не обрело рожденное почти одновременно с холодной войной государство Израиль. Прокатившиеся по Святой земле и по соседству с ней войны, «джихады» и «интифады» не принесли никому уверенной победы. Они лишь периодически перемежались перемириями. А затем – «дурная бесконечность» новых бесплодных войн. Неурегулированные старые и новые конфликты в уже расширенных границах Большого Ближнего Востока можно рассматривать тоже не как «остаточную субстанцию», а как производное холодной войны.

История не просто возвращает события «на круги своя». Предыдущие войны велись под антиколониальными антиимпериалистическими лозунгами (сюда вписывалась борьба и «за ликвидацию последствий израильской агрессии», и за выживание и безопасность самого Израиля). Нынешний виток насилия сопровождается террором-антитеррором, как правило, под религиозными лозунгами. Да и само миротворчество на Библейских землях и вокруг них нередко осуществляется под эгидой ветхозаветного евангелизма. Все это и рождает тревогу по поводу возвращения Ближнего Востока (да и всего мира) в эпоху раннего средневековья и религиозных войн. Но как можно под это подвести современное международно-правовое (даже не моральное) оправдание? Где ускользающая грань между террором и антитеррором? Как провести границу между Добром и Злом?

На эти нелегкие, может быть, даже неприятные для некоторых верующих вопросы авторы пытались найти ответы. Хотелось подвести к ним и читателя.

Масштабы террористического «джихада» с привлечением шахидов-смертников (в будущем не исключено, что они могут становиться и живыми носителями оружия массового уничтожения) все более расширяются. Духовно-нравственная катастрофа стала такой же грозной, как техногенный Апокалипсис. Именно на Ближнем Востоке с его святынями холодная война при переходе в «постхолодный мир» может обернуться взрывом. Кризис вокруг Ирана на фоне продолжающейся иракской войны (а Израиль обладает оружием массового поражения!) делает еще более реальной угрозу «ядерного Армагеддона». Религия из божественного промысла и средства духовного роста человека превращается в свой антипод.

Москва после распада двухполярного блокового мира, как помнится, пыталась робко выступить с инициативой «деидеологизации политики в сфере международных отношений». Но в условиях глобального противостояния террора-антитеррора, освящаемого разными религиями, деполитизация самих религий и демифологизация политики в межцивилизационных отношениях остаются пока трудновыполнимыми задачами. Пока эту идею считают фантазией.

Содержащиеся в книге мемуарные отступления с краткими историческими экскурсами о конфликтах на Библейских землях подчинены единому замыслу. Авторам, людям православно-христианской культуры, посчастливилось приобщиться к духовным ценностям всех трех авраамических религий непосредственно на их святых местах. В последнее время к ним все чаще совершают паломничество не только «люди Книги», но и так называемые духовные туристы всех верований, равно как и атеисты. Духовное паломничество движимо не столько религиозными чувствами, сколько потребностью нравственного приобщения к святости и очищения от всех видов святотатств. Помимо Голгофы и пути к Гробу Господня в Иерусалиме, к таким местам можно отнести «могилу Авеля», достопримечательности Маалюли в окрестностях Дамаска, зиккураты Ура, стены Иерихона, камни Вавилона... К этим святыням тянутся верующие и неверующие из многих стран мира. Следуя по стопам пророков и апостолов, они стараются постигнуть тайны божественного промысла, но «грех Каина» по-прежнему остается с нами. Вряд ли современное каинство связано лишь с именем бен Ладена...

Под впечатлением посещения таких мест у нас и родился замысел этой книги. Авторы приглашают читателя мысленно совершить вместе с ними такое познавательное «духовное паломничество». Может, оно позволит глубже вникнуть в смысл библейских слов и сказаний. Пристальней взглянуть в грядущее завтра. Лучше осмыслить как Богом данную, так и живую историю, творимую современниками, которые часто не ведают, что творят...

Глава 1

К востоку и западу от Босфора

Приобщение к Востоку на Яузе

В мою пору Институт востоковедения РАН размещался в Сокольниках, почти на берегу Яузы. Посвящение в востоковеды в 1947 году бывших фронтовиков и демобилизованных, а также тех, кто так и не успел по разным причинам повоевать, запомнилось на всю жизнь. Среди поступивших в тот год немало было людей, за спиной которых остался фронт, и совсем юных, которым выпало тяжелое трудовое детство. Перед нами открывались двери не только в студенческую, но и совсем иную мирную жизнь. Впоследствии институт сначала был переименован в Институт восточных языков (ИВЯ), а потом в Институт стран Азии и Африки (ИСАА). Он-то и открыл путь приобщения к Востоку сначала моему сыну, а следом и моему внуку.

Нами, детьми «нежного возраста», надевшими еще до окончания войны курсантские погоны, весть об окончании Великой Отечественной войны была воспринята с двояким чувством. Разумеется, вместе со всеми мы радовались Победе. Но в глубине души мы были огорчены тем, что так и не успели внести в нее свою лепту. В первые ее месяцы мне довелось попасть и под бомбежки, и под обстрелы, пережить эвакуацию, даже беспризорничать. На всю жизнь запомнилось, как я с моим другом, а ныне известным писателем Александром Рекемчуком, назвавшим свою повесть о том времени «Нежный возраст», 9 мая 1945 года после долгого блуждания по улицам Москвы оказался на заполненной ликующими людьми Красной площади как раз к началу праздничного салюта. На наших плечах были узенькие курсантские погоны, какие носили тогда «спецы» военных школ. Девушки, принимая нас за настоящих вояк, не стесняясь, целовали нас, а ребята с криками «ура» подбрасывали в воздух. Никогда не забыть того чувства причастности к общенародной радости и приобщенности к свершавшемуся на наших глазах историческому событию – Великой Победе в самой Великой из отечественных войн.

Каждого из того поколения та война коснулась по-разному: одни лишились родных и близких, другие возвратились домой калеками. В общем, мало кого она обошла стороной. В то время, как мы надеялись на приближение победы социализма во всем мире, война опять начала надвигаться, но уже с востока. Шла гражданская война в Китае. На Ближнем Востоке разгоралась какая-то особая освободительная война. Не все студенты Московского института востоковедения понимали, кто в ней освобождался от империализма и колониализма – евреи или арабы. Но евреи, как нам казалось, были настроены более антиимпериалистически.

Наш институт находился на краю Сокольнического парка, где мы иногда прогуливали занятия. «Альма-матер» воспевалась в веселой студенческой песне на мотив известной тогда грузинской песни:

Он единственный в Союзе, на-ни-на-ни-на!
На реке стоит Яузе, на-ни-на-ни-на!
На Ростокинском проезде, на-ни-на-ни-на!
Хочешь – езд, хошь – не езд, деливодела!

В первый студенческий год все ездили на занятия довольно исправно, потому что пропускать их, особенно по восточному языку, было себе дороже: отстанешь – не догонишь. К

тому же в столовой института можно было и подкормиться: закажешь пять первых блюд и получишь к каждой тарелке супа по 100 граммов хлеба.

Хорошо запомнились напутственные слова ректора института в актовом зале, заполненном первокурсниками. Студенток было среди нас раз-два и обчелся. Да они как-то затерялись в общей массе бывших демобилизованных воинов и студентов, закончивших школу с медалями (впрочем, и девушки были только медалистки). Но при штурме бастионов науки свободного времени для романов почти не оставалось, к тому же это и не поощрялось. Ректор, напомнив, что учеба каждого из нас обходится государству в десятки тысяч рублей, призывал к верности избранной специальности. Он призывал девушек с японского и индийского отделений не выходить замуж за студентов с арабского или турецкого. Если же те и другие не оправдают израсходованных на них государственных денег, то на следующий год девиц вообще в институт принимать не будут. Здесь было неясно, кому пригрозил ректор. Однако на следующем после нас курсе училась всего одна студентка, и то принятая по звонку сверху. Предупреждение, видно, не подействовало. От появления в стенах института смешанных пар, вступивших, к примеру, на последнем курсе в «индо-турецкий брак», конечно же, не по расчету, стали появляться внеплановые дети. Таким оказался и младший соавтор (С.М.) этой книги.

Запомнился первый урок турецкого языка (арабский мне пришлось осваивать несколько позже, факультативно). Первым делом преподаватель спросил каждого, что его подвигло к изучению турецкого. Когда очередь дошла до меня, я честно признался: любовь к поэзии Назыма Хикмета. С его стихами я познакомился, будучи еще курсантом военного училища, на одном из вечеров поэзии. Мой ответ заинтриговал преподавателя. Владимир Дмитриевич Араскин попросил, если я помню, что-нибудь прочитать наизусть. С пафосом я продекламировал вступление к поэме Хикмета «Пьер Лоти»:

Вот вам Восток европейских поэм и романов!
Тысячи книг, выходящих в течение минутного срока!
Но ни вчера, ни сегодня, ни поздно, ни рано
Не было, нет и не будет такого Востока!

– А каким видите вы Восток в будущем? – прервал мое страстное выступление преподаватель.

Вспомнив слова, которыми Хикмет завершал свою поэму, «восстающий Восток кровавым платком размахивает перед вами», обращенные к санкюлотам Европы, я, не задумываясь, выпалил:

– Конечно, красным!

Владимир Дмитриевич с улыбкой спросил:

– А какой сейчас у Турции государственный флаг?

– Красный с полумесяцем! – ответил я после небольшой паузы.

– А вы хотели бы заменить на нем Полумесяц на Серп и Молот? Но знайте, полумесяц на небе – это символ ислама, мусульманской веры, он по-своему роднит всех мусульман, а наш Серп и Молот – это символ верности учению марксизма-ленинизма. Он объединяет трудящихся всего мира, всех рабочих и крестьян. Заменить одно другим будет не так-то просто. Вам, помимо восточных языков, обязательно следует знать также религию стран Востока, если вы собираетесь с нею бороться. С этой целью и будет прочитан курс исламоведения. Придется овладеть и другими знаниями, а их немало. Одни пришли на Восток с Запада, а кое-что намного раньше пришло на Запад...

В то время мы не очень задумывались над словами нашего преподавателя о том, что союзу рабочих и крестьян может как-то противостоять союз других единоверцев или религиозных националистов.

Младшему из соавторов запомнились слова другого преподавателя арабского языка, который потом стал нашим коллегой-журналистом и пожизненным наставником. Своих студентов Игорь Владимирович Тимофеев предупреждал:

– Арабский язык – это море без дна и берегов. Дна никогда не достанете и берегов его тоже – без постижения арабской культуры и мира ислама. Дело это трудное. В нашей стране с большой долей мусульманского населения это совсем не просто.

Не все тогда это сознавали, но Тимофеев, как в воду глядел. То, что нас ожидало уже в начале 1990-х годов, даже смутно никому не виделось в начале 70-х, а тем более в конце 40-х годов. На собственном примере Игорь показывал, как надо постигать арабский мир. Он занимался наукой, литературой, журналистикой, писал книги, преподавал, будучи одним из лучших синхронистов Советского Союза, переводил на самом высоком уровне, прекрасно знал диалекты арабского языка, а также разбирался во всех тонкостях политики, экономики, религии, поэзии и даже бизнеса арабского мира. В каких бы ситуациях он ни оказывался, голос его неизменно оставался спокойным и негромким. Зато его слова, произнесенные по-русски, по-английски или по-арабски, всегда оказывались к месту, безукоризненными по своей форме и содержанию.

После окончания учебы связи нашей семьи с Ближним и Средним Востоком укрепились и умножились. Старший соавтор называет себя «ровесником ближневосточного конфликта», а младший принял у него журналистскую эстафету на Ближнем Востоке уже после Октябрьской войны 1973 года. Эта война («Рамадана» – для арабов и война «Судного дня» – для Израиля) открыла новую полосу войн «неведомого поколения». Они и стали прелюдией «глобальной антитеррористической войны». Тогда трудно было представить, что резонанс этого конфликта в виде «исламистского терроризма» докатится до Западной Европы, до Юга России и берегов Америки.

Еще до выхода на экраны кинофильма «Белое солнце пустыни» мы имели возможность убедиться, что Восток – дело не только тонкое, но и трудное. Для востоковедов познание Востока оказалось еще делом почти непостижимым. Помимо марксизма-ленинизма это была, пожалуй, единственно признаваемая междисциплинарная наука без конца и без края. В чем-то ей удавалось обходить создаваемые идеологией преграды. Может, поэтому востоковедение перед закрытием Московского института востоковедения в год моего окончания было причислено к буржуазной науке. Вскоре после победы революции в Китае наш институт по настоянию «братской компартии» стал с 1973 года называться Институтом стран Азии и Африки при Московском государственном университете. Но и после этого он оставался единственным многопрофильным институтом, где в программу обучения входило не изучение научного атеизма, а постижение глубин восточных религий. Для ближневосточников это было исламоведение. Однако родственные исламу религии – христианство и иудаизм – оставались по-прежнему «terra incognita». Они находились как бы в запретной зоне. Приходилось только догадываться о подлинных процессах в мире разных религий.

Все, что там происходило, относилось к антиколониальному или освободительному движению. Поэтому как неожиданный «сюрприз» была воспринята разразившаяся в 1947 году Палестинская война. Она никак не вписывалась в привычный формат антиколониальной войны, в которой сами освобождающиеся народы – палестинские арабы и евреи – стали убивать друг друга. Никто не мог предвидеть, что эта война выльется в самый длительный конфликт века на Ближнем Востоке. Тем более, никому на ум не приходило, что в новом столетии он может вылиться в глобальное противоборство террора-антитеррора.

В годы нашей подготовки, завершить которую предстояло уже на зарубежном Востоке, нам часто напоминали слова В.И. Ленина о том, что Восток – это «главный резерв мировой революции». Наш преподаватель Аракин часто любил говорить:

– На Востоке история измеряется не временем в десятилетиях и столетиях, а пожатиями рук тех людей, с которыми встречаешься. Многие из них эту историю делают.

В скором времени мне представилась возможность обменяться рукопожатием с одним из таких людей. Это был писатель Илья Эренбург. Само собой разумеется, тогда мы не знали о двойственном отношении к нему И.В. Сталина. Вождь усматривал в нем почему-то международного шпиона и человека, сочувствующего сионистам. Перед нами он предстал совсем иным. Незадолго до посещения нашего института Эренбург по поручению вождя подготовил статью для газеты «Правда» об отношении советских евреев к Израилю и сионизму. Разрешение «еврейского вопроса», говорилось в ней, зависит не от военных успехов евреев в Палестине, а от победы социализма над капитализмом. Поэтому все еврейские труженики связывают свою судьбу не с судьбой еврейского государства, а с социализмом. Они далеки от мистики сионистов и смотрят не столько на Ближний Восток, сколько в будущее, «на север – на Советский Союз, который идет впереди человечества к лучшему будущему». Так Эренбург постарался прояснить свое истинное отношение к сионизму. Но такое указующее предостережение не помешало многим советским евреям вскоре уехать в Израиль. Среди них оказался наш любимый преподаватель по политэкономии Энох Яковлевич Брегель, который покинул Советский Союз вслед за своим сыном. Перед отъездом он высказывал свою убежденность в том, что Израиль может стать «точкой опоры социализма на Ближнем Востоке». Вскоре туда же последовали некоторые наши бывшие фронтовики еврейской национальности.

Незадолго до нашей встречи с Эренбургом вышел наделавший много шума его роман «Буря». Он был посвящен недавно закончившейся Второй мировой войне в Европе. Эренбург, можно сказать, непосредственно соприкасался с ее историей от начала Первой мировой войны до окончания Второй мировой.

Мне, отвечавшему в Комитете комсомола за культмассовую работу в институте, поручили пригласить Эренбурга на читательскую конференцию. Нам хотелось узнать, что он думает о разразившейся новой буре на Ближнем Востоке. Уже тогда ближневосточная политика Москвы начала колебаться, как любили потом подшучивать, вместе с генеральной линией партии. Колебания эти ощущались повсеместно – в идейно-политической борьбе, в органах СМИ, во внешней политике. Отражалось это и на полях сражений Палестинской, а потом и всех последующих арабо-израильских войн. А в стенах нашего института сама учеба была настолько политизирована, что даже изучение восточных языков проходило в свете «гениального труда» И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Концы с концами при таком изучении не всегда сходились.

На первых порах Советский Союз в начавшейся борьбе сначала в ООН, а затем и на самой Святой земле поддерживал идею создания еврейского государства в Палестине. Очень быстро Москва отказалась от продвигаемого ею вначале проекта двухнационального арабо-еврейского государства. Уже позже стало известно, что одновременно Кремль строго секретно информировал советских представителей в ООН о своих подлинных намерениях в отношении создания еврейского государства. Оно рассматривалось как будущий, наиболее надежный оплот в борьбе против колониализма и империализма. Еще при жизни Сталина Москва, убедившись в переориентации Тель-Авива на Вашингтон, стала делать ставку на арабское освободительное движение в общей борьбе против империализма и сионизма.

В стенах нашего института шло изучение почти всех восточных языков. Но о будущем государственном языке Израиля – иврите – не только студенты, но даже преподаватели имели весьма смутное представление. Эренбурга крайне удивила такая дискриминация. Он спросил меня, почему иврит исключен из числа изучаемых в Институте восточных языков. Не услышав вразумительного объяснения, он произнес:

– По-моему, ваши учителя делают ту же оплошность, что и сионисты, которые, противопоставляя себя Арабскому Востоку, откровенно предлагают свои услуги Западу. Как бы от этого там не разразилась буря посильнее, чем Вторая мировая война.

Прогноз его стал сбываться гораздо раньше, чем мы закончили институт. Правда, угрозу надвигавшейся на Востоке бури мы ощутили позже. В год окончания института назначение на работу за границей получили лишь единицы. При распределении выпускников приоритет отдавался в первую очередь заявкам из военных и других закрытых ведомств. Так как на последнем курсе я уже совмещал учебу с работой руководителя лекторской группы Московского комитета комсомола, на меня поступили три заявки: одна – из ЦК ВЛКСМ, другая – от КГБ и третья – из Генштаба. При первом же собеседовании в КГБ, узнав, что кое-кто из моих родственников во время войны оставался на оккупированной немцами территории, меня, к счастью, забраковали. Представители Генштаба проявили ко мне большую снисходительность как к бывшему курсанту артиллерийского училища и к тому же без пяти минут ответственному работнику комсомола. Через три месяца стажировки в Главном разведывательном управлении (ГРУ) при Генштабе меня, едва ли не самого первого из всех выпускников института, отправили за границу на должность переводчика аппарата военного атташе (ВАТ) при посольстве СССР в Турции. Там мне и пришлось работать сначала в Анкаре, а потом в Стамбуле при генконсульстве.

В Анкаре мне предстояло стать переводчиком аппарата ВАТ, а в Стамбуле участвовать в процедуре передачи США военно-морских судов, полученных по ленд-лизу. Уже тогда пришлось вплотную соприкоснуться как с местной дипломатической кухней, так и с ближневосточной заварухой по соседству.

Моей жене Елене Калининской, сменившей на время командировки свою родовитую фамилию на фамилию мужа, как молодому индологу повезло меньше. Она оказалась не в Индии, на берегах Ганга, а в Турции, на берегах Босфора, где заботу о двух детях пришлось совмещать с преподаванием английского языка в нашем посольстве. Зато это расширило ее востоковедный кругозор и приобщило к так называемому совместительству.

Вообще-то совмещать востоковедное образование, полученное в институте, и осваивать неведомые ранее профессии и специальности пришлось многим дипломированным страноведам после прощания с «альма-матер».

Из русской в турецкую Евразию

Когда нам с женой выдавали дипломы об окончании Московского института востоковедения с указанием, что один из нас – референт-страновед (Турция), а другая – референт-страновед (Индия), мы и подумать не могли, что окажемся первыми из всех выпускников, которым суждено так быстро переместиться из сталинской России в посткемалистскую Турцию. Совсем трудно было поверить еще и в то, что мы попадем из одной эпохи в другую: через несколько месяцев в СССР закончилась эпоха Сталина, а в Турции – правление созданной Кемалем Ататюрком («отцом турок») Народно-республиканской партии, которую в последние годы возглавлял его преемник – Исмет Иненю.

Отъезд наш в Турцию сначала задержался из-за ожидания появления на свет третьего члена нашего семейства. За это время пришлось пройти несколько кругов инструктажей. Наставления давались самые разные. Инструктировавший меня в Генштабе полковник Николай Пономарев, в прошлом журналист-фронтовик, воевавший вместе с писателем Эмилем Казакевичем и друживший с ним, в заключительной беседе устроил мне что-то вроде экзамена. На засыпку он задал не столько вопрос, сколько сформулировал ответ, запомнившийся мне на всю жизнь: «Что самое главное в военной разведке, которую вам как переводчику придется обеспечивать?» Помня все предыдущие инструктажи, я стал перечислять: «Бдительность, преданность Родине, конспиративность...».

Терпеливо выслушав, Пономарев резюмировал: «Все это верно. Но главное – в другом. Надо уметь отличать устный доклад от письменного. Устно выкладывать все, как на духу, а когда придется оформлять это письменно, оставлять кое-что и себе на уме. Так что писать надо всегда с умом». Очевидно, так по журналистской привычке скаламбурил полковник-интеллектуал.

Пришлось побывать и в заграничном ЦК, хотя тогда я не был членом партии, и сдать на хранение свой комсомольский билет. Довелось даже предстать лично пред очами Л.И. Брежнева. В то время он занимал должность куратора всех силовых структур. Беседа была короткой и сводилась к призывам быть особенно бдительными. Заключительные напутственные слова «берегите ребенка и держитесь крепче друг за друга» были высказаны нам с женой в шуточной форме уже непосредственно перед нашим уходом.

Их пришлось вспомнить уже на вторую ночь, вскоре после пересечения нашим поездом болгаро-турецкой границы. Первый турок, встреченный нами, оказался вовсе не страшным, а скорее сентиментальным и добродушным. Первое услышанное от него слово было связано с Аллахом в непонятном для меня сочетании – «Машалла!» (как выяснил потом, «Да хранит Аллах!»). Первое «дело», в котором мы все оказались как-то замешаны, уже тогда было связано с терроризмом, хотя о такой опасности нас никто в Москве не предупреждал.

Добирались мы до Анкары окольным путем, можно сказать, на перекладных. Сначала поездом до Софии и Свиленграда, потом на машине болгарских пограничников. Они помогли нам перенести вещи и даже разрешили пешком перейти турецкую границу. На погранпункте и произошел первый контакт с «живыми носителями турецкого языка», как говорили у нас в институте. Когда таможенник попросил развернуть завернутого в одеяло и пеленки трехмесячного Сережу, тот, почуяв обретенную свободу, самым естественным образом выразил свою младенческую радость, пустив фонтан чуть ли не в лицо турка. Тот, едва успев отскокнуть, со смехом воскликнул: «Машалла!» На этом и закончился досмотр. В поезд, следовавший из Эдирне в Стамбул, нас посадил болгарский консул, передав то ли на попечение, то ли под охрану турецким проводникам вагона. А далее нас ожидало более серьезное испытание. Среди ночи настойчивый стук в дверь заставил меня открыть купе. Я увидел несколько полицейских и жандармов. Они возбужденно пытались что-то объяснить, указывая на наши

вещи, которые тут же сами стали собирать, не дожидаясь нашей реакции. Из всех слов, потоком обрушившихся на меня, я разобрал только «каза», что в общем-то означает и аварию, и катастрофу. Но это могло быть и нечто другое, подходящее под категорию «провокация». О том, что она может подстергать на каждом шагу, нас заранее предупреждали. Так как звать на помощь все равно было некого, пришлось следовать за людьми в форме. А те, выгрузив все наши вещи, предлагали заодно и подхватить плачущего ребенка. Но тут уж супруга, помня наставления Леонида Ильича, действовала строго по инструкции: никому ребенка не передоверять. За меня она держалась тоже крепко, пока мы преодолевали путь от одного состава до другого: тот стоял почти в километре от первых вагонов нашего поезда, сошедшего, оказывается, с рельсов. Утром встречавшие нас в Стамбуле работники консульства поведали о железнодорожной аварии, от которой мы невольно пострадали.

На следующее утро военный атташе полковник И.Н. Кондрашов представил меня нашему послу в Анкаре. А.Н. Лаврищев, бывалый советский дипломат, встретил, как мне показалось, строго, держа в руках свежий номер какой-то турецкой газеты. Указывая на ее первую полосу, он с места в карьер, решив, наверное, проверить мои знания турецкого языка, произнес: «Что же это вы, не успев еще доехать, занялись терроризмом и диверсиями? Вот читайте!»

Через всю газетную полосу красными буквами было написано: «Катастрофа на железной дороге». После статьи с подробным описанием происшествия с нашим поездом шел подзаголовок – «Русские шпионы». Указывая на него пальцем, посол, смягчив строгое лицо скупой улыбкой, подбодрил: «Вот отсюда и читайте».

Из заметки я узнал, что меня турки уже произвели из переводчика в помощники военного атташе. А дальше я постарался как можно ближе к тексту перевести все остальное: «Обращает на себя внимание, что по маршруту Эдирне – Стамбул в последнее время зачастили ездить русские дипломаты. Так, в ночь железнодорожной катастрофы по этой дороге проследовал помощник военного атташе Леонид Медведко со своей женой Еленой». О третьем «подозреваемом» – нашем сыне Сергее, слава богу, даже не упоминалось. Через несколько дней из других статей об этом происшествии я узнал о возможных его версиях и технических причинах. Среди них высказывалось предположение, что это могло быть делом рук курдских террористов.

Читая регулярно появлявшиеся в печати сообщения то о поисках коммунистов, то о диверсиях курдов-сепаратистов, то о грядущих из русской Сибири снегопадах и жестокой зиме, я часто вспоминал разговор с Назымом Хикметом. Состоялся он перед моим отъездом. «Имей в виду, – предупреждал он меня, – во всем плохом, что происходит в Турции, будут винить Москву, коммунистов и курдов. Но так было не всегда. Живы там еще люди, которые помнят иные времена. Во всех войнах Россия и Турция были по разные стороны фронта. Но после Октябрьской революции мы оставались вместе, хотя одни назывались коммунистами, а другие – кемалистами; одни, правда, ныне признают себя интернационалистами, а другие были и остаются националистами...»

Уже при последней нашей встрече Назым Хикмет свое напутствие закрепил в виде автографа на подаренном мне романе в стихах «Человеческая симфония»: «Товарищу Медведко с любовью за то, что он как настоящий коммунист любит мой турецкий язык и мою Турцию. Назым». Мне очень дороги эти слова и автограф самого знаменитого в мире турецкого поэта. Как бы ни относился он к своим и русским коммунистам, выше всего ценил он в них интернационализм, неразрывно связанный с любовью к своему языку и своей Родине.

Дружеские и творческие встречи с Назымом Хикметом (мы иногда работали над переводами некоторых его стихов с турецкого на русский), общение с ним стали в моей жизни весьма значимыми событиями. Тогда я не предполагал, что через несколько месяцев мне удастся в самой Турции повстречаться с людьми, которые делали ее новую историю.

Турция близкая и далекая. Почему кемализм пережил сталинизм

Событие, которое через два месяца после моего прибытия в Анкару свело меня с Исмет-пашой, и в самом деле было историческим. Все утренние выпуски турецких газет 5 марта 1953 г. вышли с броскими заголовками: «Сталин протянул ноги!», «Русский диктатор загнулся!», «Сталин ушел из жизни сам или ему помогли уйти?». Никто из работников посольства не хотел этому поверить, тем более что официального подтверждения из Москвы еще не поступило. Услышав по московскому радио эту весть, они поспешили на работу. Мы жили по соседству, поэтому я пришел одним из первых. И очень удивился, когда у закрытых дверей нашей миссии увидел уже довольно большую группу одетых в черное иностранных дипломатов и турецких официальных лиц. Как потом стало известно, первым появился здесь лидер ставшей недавно оппозиционной Народно-республиканской партии, а в прошлом президент Турции генерал Исмет-паша Иненю.

Для меня это была первая встреча на чужой земле с человеком, олицетворявшим историю своей страны и как бы связывающим разные ее этапы – Первую и Вторую мировые войны, кемалистскую революцию, становление самой Турецкой Республики. В Сталине Иненю видел, наверное, прежде всего лидера великого государства и государственного деятеля мирового масштаба. Он пришел к посольству ни свет ни заря, чтобы выразить свои чувства. К столь раннему приходу именитого гостя в посольстве не были готовы. Пока драпировали черной материей зеркала и искали место, куда положить книгу для записи соболезнований и поставить принесенные Исмет-пашой цветы, мне как переводчику посольства пришлось до появления посла принимать неожиданных гостей. Дольше всех мне удалось поговорить с Исмет Иненю. Он был для меня живым воплощением новой и новейшей истории Турции. Раньше я проходил ее в институте только по учебникам. К тому же это был непосредственный участник всех этих исторических событий. Да и сам он потом стал живой историей.

– Со смертью Сталина, можно сказать, ушла целая эпоха, – произнес Иненю слова, которые он записал в официальной книге соболезнований. – Именем Сталина эта эпоха одинаково связана с вашей и нашей историей. Наши страны чаще воевали друг с другом, а в годы революций и сразу после них мы были вместе и помогали друг другу. Но для этого необязательно делать революции. Наверное, лучше хранить наследие вождей наших революций. При них мы вместе строили мосты нашей общей истории, которые потом, к сожалению, сами разрушали. Дела Сталина, – заключил он после многозначительной паузы, – конечно же, войдут в историю века...

После этого, наверное, в подкрепление высказанного соболезнования Иненю крепко пожал мне руку. В тот момент мне, кажется, впервые раскрылся глубокий смысл восточной мудрости, не раз произнесенной нашим преподавателем: «История измеряется не временем, а рукопожатием людей».

До этого обмениваться рукопожатиями с творцами истории и вождями мне не случалось. Сталина я несколько раз видел издали, неоднократно на Красной площади из тесно сомкнутого строя таких же, как я, курсантов – участников военных парадов. Правда, однажды представился случай увидеть его и вблизи, почти рядом, во время похорон в 1947 году старой большевички Р.С. Землячки. Тогда у ее гроба в Колонном зале Дома Союзов наша смена в почетном карауле на пять минут совпала с приходом Сталина и его ближайших соратников по Политбюро. В студенческие годы видел вождя пару раз на трибуне Мавзолея, когда мы проходили по Красной площади в колонне праздничных демонстраций.

С его преемником Н.С. Хрущевым повезло в этом отношении больше. Первый раз я увидел его, когда он, будучи главным партийным вождем Москвы, выступал перед комсомоль-

ским активом и лекторами Московской области. Во второй – в Египте, на открытии Асуанской плотины. Тогда на торжественной церемонии Хрущев пожимал руки многим встречавшим его. Но под руку «дорогого Никиты Сергеевича» советские журналисты, к счастью, не попали. Зато многие из нас были удостоены рукопожатия вождя египетской революции Гамалея Абдель Насера и иракского «халифа на час», генерала Арефа, которому Хрущев пригрозил то ли Кувейтом, то ли кюветом, если Ирак не пойдет по пути социализма.

Но тогда, в марте 1953 года, Исмет Иненю был не просто зарубежным лидером, а исторической личностью, который, по его словам, лично виделся и беседовал со Сталиным. Иненю мог бы, наверное, войти в историю как «турецкий Сталин». Он тоже был преемником вождя революции и так же, как Сталин, считался одним из героев гражданской войны в Турции. Разница между ними была лишь в том, что именем Сталина вслед за Царицыным назван был и ряд других городов страны, а Исмету-паше самому была дана фамилия в честь освобождения города Иненю и одержанной победы над интервентами в Первую мировую войну. Потом молодое поколение воспринимало Иненю как город, названный именем преемника президента Ататюрка.

Имя Исмет-паши вместе с городом Иненю, как и имя Сталина вместе с городом на Волге, носившем его имя, почти одинаково вошли в историю некогда великих и одновременно развалившихся евразийских империй. После этого судьба их сложилась по-разному. В Турции гарантом сравнительно мирной передачи власти выступала армия, вернее, ее генералитет. В России это сопровождалось закулисными переворотами, передрягами и перетасовками во все более старевшем Политбюро. Генсеки, а одновременно главнокомандующие Вооруженными силами, даже переименовав себя потом в президенты, оказались не способны выполнять роль гарантов сталинской Конституции. Менявшиеся после каждого военного переворота власти Турции, перейдя вскоре после окончания войны к двухпартийной, а потом и многопартийной системе, сумели сохранить два главных постулата из наследия кемалистской революции. Религия оставалась отделенной от государства, но она не противопоставляла себя ни власти, ни народу. Армия объявлялась вне политики. Командование, вернее, его верхушка объявила себя гарантом кемалистского курса. Поэтому армия всегда зорко следила за политиками. В переходные периоды после военных переворотов она, как правило, периодически выдвигала наверх своих выдвиженцев. Может, поэтому, проиграв Первую мировую войну и лишившись обременительного наследия Османской империи, кемалистская Турция сумела сохранить плоды одержанных ею побед в национально-освободительной борьбе. В значительной степени благодаря искусному маневрированию Иненю она оставалась нейтральной в течение всей Второй мировой войны. Ни в ее начале, ни в ее разгар это не сулило ей ничего хорошего.

– То, что Турция сохранила свою целостность и суверенитет, было большой заслугой нашего Исмета-паши – наследника Кемалея Ататюрка, – сказал мне в одной из бесед преемник Иненю, новый лидер Народно-республиканской партии Касым Гюлек.

Кстати, последнее наставление полковника Пономарева перед нашим расставанием пригодились мне не только в Турции, но и во всех последующих, в том числе и журналистских, странствиях. Его шуточный совет – «главное в разведке на Востоке не все петь, что видишь и слышишь», пригодился на всю жизнь, пока в него не внесла свои корректировки «эпоха гласности». Тогда же, в 1950-х, содержание своей беседы с Иненю и его преемником Гюлеком я во всех подробностях доложил своему прямому начальнику полковнику Кондрашову. Выслушав меня, он рассудил вполне здраво: «В донесении политические моменты отрази, а историю оставь на потом – потомкам», – скаламбурил военный атташе.

XX век ушел уже в историю. Правда, кое-какие ее страницы замараны или плотно заклеены – и все еще не раскрыты до конца тайны политики. Может, настала пора, не откладывая больше на потом, вместе с потомками начать разбираться в нашем наследии? Смысл не в быстро умирающих сенсациях, а в знании живой истории.

Тяжелое наследие незавершенных мировых войн долго, однако, омрачало союзнические и дружеские отношения между Турцией и Россией, которые призывал не забывать Кемаль Ататюрк. Фактически его смерть совпала с постепенным втягиванием Ближнего Востока во Вторую мировую войну. Все эти годы Россия и Турция находились, по сути, по разные стороны военного и дипломатического фронтов.

Прибывший в Анкару вскоре после смерти Ататюрка посол третьего рейха Р. фон Папен выполнял и роль координатора всех разведывательных служб Германии на Ближнем Востоке. Они работали не только против СССР, но и против его союзников по антигитлеровской коалиции.

Главную ставку в Турции нацистская Германия делала на реакционные круги пантюркистов, руководителей эмигрантских организаций и националистов. Они находили там приют, бежав из Азербайджана, Башкирии, Крыма и Татарстана. Связь с ними осуществляли брат младотурецкого диктатора Энвера-паши, один из бывших лидеров татарских и башкирских автономистов Ахмет-Заки Валидов и некоторые депутаты меджлиса. Двойную игру на Ближнем Востоке, особенно в Палестине, вели тогда и некоторые сионистские лидеры. В Турции они устанавливали взаимовыгодное сотрудничество и с нацистами, и с пантюркистами.

Заклучив в октябре 1939 года договор о военной взаимопомощи с Великобританией и Францией, турецкие власти при Иненю тем не менее всячески уклонялись от его выполнения. Наоборот, Турция в широких масштабах стала поставлять стратегическое сырье, продовольствие и материалы военного назначения в Германию. С момента нападения вермахта на СССР Турция, объявив о своем нейтралитете, делала ставку на победу держав Оси. В ожидании этой победы она именно тогда и заключила с Германией пакт о ненападении и дружбе.

В критический для Советского Союза период (с осени 1941 до начала 1943 года) основная часть турецкой армии была сосредоточена на его границах. Турецкие власти негласно забрасывали во временно оккупированный немцами Крым пропагандистов для ведения пантюркистской агитации. Некоторые из них проходили даже службу в созданных немцами крымско-татарских формированиях.

С января 1943 года США и Англия стали оказывать все больший нажим на Турцию в надежде побудить ее вступить в войну на стороне антигитлеровской коалиции. В декабре того же года президент Исмет Иненю на встрече с У. Черчиллем в Адене и Ф. Рузвельтом в Каире (они возвращались с Тегеранской конференции трех великих держав) обещал ускорить вступление своей страны в войну против Германии. Но и после этого Турция продолжала поставки стратегического сырья в рейх. Она никак не реагировала на неоднократные нарушения германским военно-морским флотом конвенции о Проливах.

На протяжении всей войны Турция выступала в двоякой роли: с одной стороны – возможного союзника нацистской Германии, а с другой – ее заложника. В ретроспективе альтернативной истории она могла оказаться и тем и другим. В значительной степени судьба «прихватника на Босфоре» решилась тогда в битве на берегах Волги. Только после Сталинграда Анкара стала притормаживать свое сближение с Берлином.

Неслучайно Исмет Иненю в день траура по Сталину при выражении своего соболезнования в советском посольстве, повторив несколько раз, что «ушла целая эпоха», уже в беседе с нашим послом признал, что город, носящий имя Сталина, навсегда войдет в историю вместе со Сталинградской битвой.

Эта битва и в самом деле не только обозначила перелом в ходе Второй мировой войны, но и определила место Турции в ней. В труде, вышедшем в канун шестидесятилетия окончания Второй мировой войны под заголовком «Что, если бы?», западные историки отмечают, что в стратегических планах Гитлера Турция, если бы отказалась быть добровольным союзником, все равно стала бы плацдармом для прорыва к вожделенной нефти в Ираке, Иране и

Азербайджане. Все зависело от того, какое Гитлер выберет направление главного удара. Если бы до нападения на Советский Союз африканской армии Э. Роммеля удалось через Каир и Иерусалим дойти до Дамаска и Багдада, то Турция, как предполагали в Берлине, сама навязалась бы в союзницы либо согласилась ею стать. А значит, участвовала бы в осуществлении последующего плана под кодовым наименованием «Манулла», – он предусматривал дальнейшее продвижение на Восток, но уже через Иран и Афганистан к Индии и в Среднюю Азию. В случае колебания или отказа Турции стать добровольной союзницей Германии подписанная фюрером 11 июня 1941 года директива (за десять дней до нападения на СССР) предписывала сосредоточить немецкие войска в Болгарии «для обеспечения политической лояльности Турции или для подавления возможного сопротивления».

Когда в начале апреля 1941 года в Ираке произошел военный переворот прогерманского «золотого триумvirата» полковника Гейлани, Гитлер подписал еще одну директиву – «О поддержке арабского освободительного движения». Предполагалось, что такую «поддержку» окажут войска Роммеля после взятия Каира, форсирования Суэцкого канала и вытеснения англичан из Палестины. Обе подписанные Гитлером директивы (под номерами 30 и 32) не противоречили друг другу, а дополняли и развивали план «Барбаросса». В случае сохранения Турцией формального нейтралитета в Берлине рассчитывали, оккупировав Сирию и Ливан, осуществить бросок к нефтяным полям Ирака, Ирана и Саудовской Аравии. Затем, к концу 1941 года, начать продвижение к Каспийскому морю с целью овладения бакинскими скважинами. Осуществление этого варианта связывалось с предварительным захватом британских островных колоний в Восточном Средиземноморье. Однако для этого у Гитлера и Муссолини не было достаточных морских и десантных сил, способных совершить, «как по камням», переход к берегам Леванта.

Второй вариант представлялся более реальным. Он предусматривал оккупацию Болгарии и греческой Фракии, чтобы создать там необходимые плацдармы для оккупации сначала европейской, а затем и всей азиатской частей Турции. Уже оттуда планировался (после вторжения в Ирак, Иран и Саудовскую Аравию) молниеносный захват «южного подбрюшья» СССР силами создаваемого на новых плацдармах мощного «северного щупальца»: охват и взятие мертвой хваткой главного противника – большевистской России. По оценке английских и американских военных историков, такие клещи могли бы оказаться более успешными, чем провалившийся блоковый блицкриг против России.

Что помешало Гитлеру осуществить по стопам Наполеона, казалось бы, не столь уж бредовый план похода на Москву? По убеждению авторов «Что, если бы?», свою роль в этом сыграло не столько юридическое препятствие в виде не столь уж строжайшего нейтралитета Турции, сколько «идеологический синдром антибольшевизма». Скорее всего, именно ненависть фюрера к большевизму, подкрепляемая страхом превентивного удара со стороны Сталина (реальность его нанесения представляется не такой крамольно-преступной, как его описывает В. Суворов в своем «Ледоколе». – *Л.М.*), подтолкнула Гитлера лезть на рожон, чтобы быстрее покончить со своим главным врагом – Сталиным. Как замечает в этой книге американский профессор Р. Каули, «дорога, которой тогда не воспользовались, все равно остается на карте». С ним соглашается и его британский коллега Дж. Киган. Он приходит к выводу, что Запад должен быть очень благодарен тому, что весной 1941 года Гитлер «не избрал более тонкую и менее прямолинейную стратегию».

В неменьшей степени этому должен быть благодарен и Ближний Восток. В случае успешного осуществления плана «Барбаросса» даже неважно, в какой последовательности осуществлялись бы африканские операции «Феникс» или «Марита» с продолжением операции «Манулла» (Афганистан и Иран). Многие североафриканские и ближневосточные страны, в том числе и Турцию, ожидала бы судьба контролируемых территорий или колоний третьего рейха. Так или иначе, их населению была бы уготована участь рабочего скота. Не было бы ни

Ливийской Джамахирии, ни Египта Насера, ни еврейского государства Эрец-Израэль (Земля Израиля), ни Арабской Палестины. Наверняка не стало бы ни ваххабитской Саудовской Аравии, ни Хашимитского королевства Иордании. А Турции скорее всего была бы отведена роль германского протектората.

Не знаю, посещали ли подобные мысли Исмета Иненю. Ведь он принял наследие Ата-тюрка в преддверии Второй мировой, но не сумел потом, в годы холодной войны, его сохранить в отношениях с Россией. Как мне тогда показалось, он не столько прочувственно высказывал свои соболезнования по поводу смерти Сталина, сколько выражал надежды на лучшие времена в добрососедских отношениях России и Турции, сопроводив их традиционным в таких случаях «Иншалла!» («Дай бог!»), чтобы это сбылось.

Холодная война не могла не сказываться на периодически обострявшихся отношениях Москвы с Анкарой. Веру в возвращение дружбы по-прежнему символизировал разве что памятник на площади Таксим в Стамбуле. Он изображал героев освободительной борьбы со стоящим рядом советским полководцем М.В. Фрунзе. Монумент был водружен по личному распоряжению Кемаля Ататюрка в знак признания и веры в дружбу между двумя близкими соседями. Об этом же напоминали и действующие памятники: построенный в 1930-х годах с помощью Советского Союза самый крупный в стране текстильный комбинат в Кайсери, а также планерная школа недалеко от Коктебеля в Крыму, где когда-то обучались турецкие военные летчики. Среди них была и приемная дочь Ататюрка Сабиха Гекчен.

Уже в конце 1950-х годов мне приходилось принимать участие в переговорах, которые велись в Анкаре и Стамбуле, о восстановлении деловых и культурных связей между нашими странами. В марте 1967 года было подписано новое соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. При участии и содействии наших специалистов было построено около двадцати новых объектов. Среди них металлургический завод в Искендеруне, алюминиевый комбинат в Сейидшехире, нефтеперерабатывающий завод в Измире, плотина и водохранилище на реке Ахурен, химические комбинаты в Бандырме и Мерсине.

За последние годы Турция стала одним из самых продвинутых деловых партнеров России. К 2010 году она благодаря реализации уникального проекта «Голубой поток» может выйти на первое место по закупке российского природного газа. В ближайшие пять лет объем его закупок запланировано увеличить в два раза. Почти во столько же раз возросли за прошедшие пять лет поставки нефти. Новый импульс получило развитие сотрудничества в области культуры, науки и гуманитарных связей. Состоявшаяся летом 2005 года в городе Сочи рабочая встреча президента В.В. Путина и премьер-министра Турции Р. Эрдогана продемонстрировала готовность Москвы и Анкары сообща решать многие совместные задачи, продолжать политический диалог и деловое сотрудничество. А начало всему этому было положено после установления в 1920 году дипломатических отношений между Россией и Турцией. Если вспомнить строки Назыма Хикмета, некогда определившие мою судьбу, то теперь я бы перефразировал их по-другому: «У России в историческом пространстве не было, нет и, возможно, не будет в будущем более близкого Востока, чем соседняя «близко-далекая» Турция...»

Почти после одновременного распада сначала царской России, а вслед за ней и султанской Турции обе страны долгое время, по крайней мере, до развала Советского Союза, оставались единственными соседними евразийскими государствами. Они не только географически находятся в пространстве Европы и Азии, но и связаны общей историей, во многом схожими судьбами преимущественно славянских и тюркских народов. Как христиане, так и мусульмане и поныне в основном проживают в новых границах уже постимперских государств. Этой общей историей с географией и был предопределен их путь – не европейский и не азиатский. Советская Россия и Новая Турция каждая на свой манер шла собственным путем, встречаясь с раз-

ными, а в чем-то и со схожими трудностями. По-разному старались они их преодолевать, то с успехами и победами, то с потерями и поражениями.

Успехи Страны Советов в социально-экономической сфере принесли свои плоды в исторической Победе в Великой Отечественной и во Второй мировой войнах. Они были продемонстрированы и первым прорывом СССР в Космос. Но в этнонациональной политике обе страны натолкнулись на схожие трудности. Отчасти нерешенность этих проблем привела к развалу Советского Союза. После этого Россия оказалась вовлеченной во многие межнациональные конфликты на Кавказе. Они вылились в длительную войну с чеченским сепаратизмом и терроризмом на Северном Кавказе. Кемалистская Турция унаследовала от Османской империи греческий и армянский вопросы, связанные с последствиями Первой мировой войны, а вместе с ними и более острую курдскую проблему. До сих пор она несет их тяжелый груз. Это дает о себе знать как на дипломатическом фронте при решении затянувшейся кипрской проблемы и вступления Турции в Европейский союз, так и на постоянно ощущаемом фронте многолетней борьбы с курдским сепаратизмом и международным терроризмом.

Со схожими трудностями и бедами приходится сталкиваться и современной России в борьбе с разными проявлениями терроризма и сепаратизма. На постсоветском Кавказе не всегда удается эффективно противостоять силам международного терроризма и радикально-политического ислама. Глубинные причины этого кроются, может быть, не столько в проводимой Советской Россией и кемалистской Турцией внешней политике (Москва – с упором на пролетарский интернационализм и революционный резерв Востока, Анкара – на капиталистический Запад), сколько в избрании ими разных социально-политических курсов. Это касается, прежде всего, области межнациональных отношений и взаимоотношений с религией.

Цивилизационные последствия Первой мировой войны, в которую вступили почти одновременно обе империи – царская Россия как оплот Православия и Османская Турция как защитница ислама, оказались во многом схожими. Возможно, из-за того, что и сами эти империи были во многом похожи. Будучи полиэтническими и многоконфессиональными, они претендовали на то, чтобы воплощать в себе две мировые религии ортодоксального толка – православное христианство и суннитский ислам. Вовлечение в Великую войну тоже проходило через сходные поражения в малых войнах: России – в войне с Японией в 1904–1905 годах, Турции – в двух балканских и итало-турецко-ливийских войнах. Для обеих империй эти войны завершились катастрофами: они не только потеряли значительную часть своих территорий, но и понесли огромные жертвы. Все же для России постимперский транзит оказался куда труднее и жертвеннее, чем для кемалистской Турции. Это произошло не только из-за различного их отношения к классовой борьбе и религии. Революции по-разному откликнулись на заявку религии об ее участии в общественной жизни. Поэтому, возможно, это по-разному и аукнулось в цивилизационных последствиях войн XX века.

В самый разгар холодной войны, сопровождавшейся тремя «горячими» кризисами – суэцким, венгерским и кипрским (они следовали буквально один за другим), меня прикомандировали к аппарату военно-морского атташе. Находился он в Стамбуле. Там меня подключили к переговорам и самой процедуре передачи полученных от США в годы войны по ленд-лизу старых торпедных и вспомогательных военных судов. Правда, так и не ясно было, кому мы их передавали: прежним хозяевам или Турции – новому союзнику по НАТО. Кроме участия в этих переговорах, я по просьбе нашего торгпредства был направлен в качестве переводчика на ежегодно устраиваемую в Измире торгово-промышленную ярмарку. Меня это вполне устраивало, так как я имел возможность получить хорошую языковую практику. Там мне повезло близко познакомиться с одним из многих посетителей советского павильона доктором Хикметом Кывылджимлы. Он оказался близким другом Назыма Хикмета. Вместе они просидели в тюрьме, в одной камере, более десятка лет за «коммунистическую пропаганду». Он тоже

писал стихи и перевел на турецкий язык ряд трудов классиков марксизма-ленинизма. Выйдя на волю, он возглавил рабоче-крестьянскую партию «Ватан» («Родина»).

Узнав, что в Москве я встречался с Назымом и занимаюсь переводами его поэзии, доктор приглашал меня потом несколько раз к себе, в небольшой домик на азиатском берегу Босфора. Некогда он назывался Скутари, а ныне – Ускюдаром. Дома он мне признался, что теперь переключился с марксистской классики на политическую поэзию. С одним из своих новых творений он тут же познакомил: дал почитать свой «отчетный доклад» в стихах. Подготовлен он был специально для участников съезда партии «Ватан», названный «Конгрессом хлеба и лука», ибо именно этим вынуждены были чаще всего питаться трудовые люди, будь то турки или курды, турецкие армяне или греки.

Незадолго до того в Стамбуле разыгрались бурные события под националистическим девизом «Кипр – турецкий». Они сопровождались не только греческими, но и новыми армянскими погромами. Непокойно было и в восточных вилайетах, где проживали в основном курды. Официальные власти называли их «горными турками». Когда по возвращении в Москву я рассказал Назыму Хикмету о своей жизни в Турции и встречах с доктором Кывылджимлы, он, не скрывая волнения, стал мне читать отрывки из поэмы в стихах «Человеческая симфония», рассказывать о своих друзьях разных национальностей, с которыми познакомился на воле и в тюрьме. Услышав о планах своего друга создать новую рабоче-крестьянскую партию на интернациональной основе, Назым, назвав его неисправимым идеалистом, добавил: «Турецкий национализм и интернационализм – несовместимы... Наверное, даже турецким коммунистам так же трудно избавиться от национализма, как советским коммунистам от бюрократизма. Недаром его так бичевал Маяковский. Не знаю, что опаснее – национализм или бюрократизм». Назым, как в воду глядел: вкупе они и развалили потом Советский Союз.

При прощании он подарил свою новую книгу с поэмой «Человеческая симфония». Из всех автографов моих друзей, писателей и ученых (а таких книг у меня несколько сотен), надпись на титульном листе книги Хикмета мне особенно дорога. Теперь лишь мне известно, какой смысл вкладывался нами в понятия «национализм», «интернационализм» и «коммунизм». Прожив в СССР после эмиграции из Турции несколько лет, Назым остро переживал «обуржуазивание» советской номенклатуры и все другие издержки нашей модели извращенного «реального социализма». Причину последовавших за революцией бед он усматривал не столько в сталинском тоталитаризме, сколько в советском бюрократизме и его нетерпимости к любому инакомыслию.

– Ваш бюрократизм превзошел даже наш турецкий. Вы успешно можете с ним конкурировать и даже экспортировать его не только в социалистические, но и капиталистические страны, – мрачно подшучивал Назым Хикмет.

Друг Назыма, доктор Кывылджимлы, будучи сам атеистом, болезни советских большевиков ставил другой диагноз: это нетерпимость по отношению к своим и чужим, верующим и инакомыслящим, христианам и мусульманам. Против них нельзя проводить репрессии, как это было в сталинские времена, и этнические чистки, которые сотрясали Турцию в Первую мировую войну.

– Ничто так не ослабляет любой режим, любую цивилизацию или религию, – сказал он при нашей прощальной беседе, – как идейное, но не цивилизованное и не демократичное обращение – со своим или с чужим народом. Режим, который, провозгласив свободу и демократию, сумеет сохранить их для своего народа и признать такое же право за другими народами, этим и докажет свою жизнеспособность.

Основанная Кемалем Ататюрком Народно-республиканская партия, как и большевики, единолично правила страной около тридцати лет. Скорее по инстинкту самосохранения, а не только под давлением американцев она вовремя, еще при правлении Иненю, решила «демократизироваться» не в прямом, а в турецком значении этого понятия. Наряду с правящей партией

разрешено было создание (по аналогии с США) Демократической партии. Установившееся ненадолго двухпартийное правление также было далеко не безмятежным. Несколько военных исправительных революций и переворотов не помешали прорываться к власти не всегда демократическим путем и буржуазным светским, и религиозным партиям.

Одна из таких религиозных партий, возглавляемая нынешним премьер-министром Р. Эрдоганом, сумела победить на последних парламентских выборах. Его правительство подтверждало свою верность идеям Кемаля Ататюрка, духу ислама, союзническому долгу НАТО и принципам Европейского союза. Это не помешало новому турецкому правительству вернуться к проводимой Ататюрком политике дружбы и сотрудничества с «Великим северным соседом» – Россией. Но в новых условиях глобального противостояния террора-антитеррора не все составляющие обновленного кемалистского курса оказались совместимы. Потребовались определенные коррективы. Волей-неволей пришлось признать за «горными турками» право не только называться курдами, но и пользоваться родным языком и некоторыми атрибутами местной автономии. Труднее оказалось совмещать, а тем более соединять ислам (да и вообще религию) с политикой. Точно так же трудно бывает отделить от пантюркизма патриотический турецкий национализм, уходящий своими глубокими корнями в историю Османского султана и халифата.

В турецком языке не делается разделение между словами «турок» и «тюрк». Они неразделимы. Ислам воспринимается турком, арабом, персом, то есть всеми мусульманами, не только как религия, но и как некий общий стержень общности и национального самоощущения («уммы»), он полностью не отделяется от кемализма. Но религия не должна быть политическим орудием какой-либо партии. Ни одна из них не может объявлять на нее монопольное право как во внутренней, так и во внешней политике. В этом принципиальная разница кемализма и господствовавшего в свое время в СССР сталинизма, который устанавливал монопольное право на марксизм-ленинизм как на заменитель религии не только в самой России, но и в мусульманских республиках Кавказа и Средней Азии. Такую мысль высказывали в 2001 году мои собеседники – турецкие участники Международной конференции в Баку «Исламская цивилизация на Кавказе». Именно в этом, считали они, одна из причин того, почему кемализм оказался более жизнестойким, чем сталинизм.

В чем же все-таки истоки упоминавшегося Назымом «неискоренимого турецкого национализма»? Как могло случиться, что так глубоко укоренившаяся исламская солидарность или кемалистский национализм (как бы их ни называли – пантюркизм, туранство или арабизм) оказались более живучи, чем, казалось бы, бескорыстно благородный коммунистический или советский интернационализм? Эти вопросы не давали мне покоя на протяжении всей конференции. Тем более что в виде панисламизма, окрашиваемого в рекламно-горделивые национальные цвета, эти идеи доминировали в выступлениях и докладах большинства организаторов и участников конференции. Исключение составила лишь речь тогдашнего президента Азербайджана Гейдара Алиева. Как бы в продолжение моего приветственного выступления о вкладе российских востоковедов в изучение исламской цивилизации и национальных культур бывших советских республик, он на правах гостеприимного хозяина форума особо отметил и признал большой их вклад в развитие отечественного исламоведения. Упомянув о том, что его личное ознакомление с Кораном, как и у большинства других мусульман Советского Союза, произошло на русском языке, президент призвал к продолжению и укреплению сотрудничества с исламскими и научными центрами России.

Следуя совету одного моего турецкого коллеги – вчитаться в знаменитую речь Ататюрка, чтобы лучше понять природу турецкого национализма, я по возвращении с конференции раскопал ее в личной библиотеке профессора Бондаревского. Это было уникальное издание начала 1930-х годов, – книга «Путь Новой Турции» уже с изрядно пожелтевшими страницами. Так удалось ознакомиться, пожалуй, с главной речью Ататюрка. Он произнес ее при провоз-

глашении национального суверенитета Турции на первом заседании меджлиса. Ататюрк аргументированно обосновывал необходимость отделения государства от халифата, а также разделения светской и духовной власти.

После краткого рассказа об этногенезе тюрков следовала сжатая история рождения ислама в интерпретации самого Кемалья, увязанная с целями революции. «Аллах, – напомнил Ататюрк всем верующим, – поистине един, велик и могуществен. Руководимые проявлением его божественной воли и предписанием всех Пророков и последнего из них – Печати всех Пророков посланника Мухаммеда, мы можем выделить два этапа в развитии человечества и две категории людей. Первый – это детство и отрочество. Второй – это зрелость и полное развитие человека». А далее он разъяснял их принципиальную разницу. Если в отрочестве люди находились на попечении избранных Аллахом пророков, то по достижении зрелости и нужной степени развития люди сами должны избрать свою власть. Она, используя данное Аллахом право, может и должна направлять развитие нации, народа.

Исходя из стоявших перед революцией задач, Ататюрк определил следующие приоритеты: подавлять мятежи, обеспечивать безопасность городов, регулировать и направлять все общественные дела. «В период революции и освободительной борьбы, – говорил он, – первое из этих положений может быть достигнуто посредством силы и могущества самого народа». Исторически так сложилось, что «наследие халифата перешло к наиболее могущественной нации». В его представлении такая тюркская нация стала складываться еще до исламизации Средней Азии. Затем, приняв ислам, тюрки сумели образовать могущественные государства – чингизидов, сельджуков и Османской династии.

На смену им пришло новое государство, и нация взяла в свои руки управление собственной судьбой. Объявив об отделении суверенного светского государства от религии, Ататюрк провозгласил, что отныне оно будет олицетворяться не каким-то одним лицом, а единой нацией, доверившей ее представлять великому национальному собранию Турции – меджлису. Обосновывая, таким образом, суверенитет государства над светской и духовной властью, Ататюрк отделил его от религии, но выразил надежду, что она станет «источником двойного счастья» для всего народа – граждан как светской, так и мусульманской Турции. Тем самым вместо лозунга «Партия и народ едины», выдвинутого большевиками в России, кемалисты в Турции действовали под девизом «Ислам и народ едины». Вторжение ислама, как и любого национализма в жизнь страны, по крайней мере, строго дозировалось. Тюркизм доминировал и над исламом, и над любым этнизмом. Государство отделялось от религии, но не от своего гражданина – турка-мусульманина.

За годы работы в советском посольстве в Анкаре мне не раз приходилось бывать на разного рода публичных мероприятиях. Нередко они проводились в здании университета, куда приглашали и дипломатов. Уже издали можно было прочесть на фронтоне здания начертанные большими буквами слова, сказанные Ататюрком, правда, неизвестно когда и по какому поводу: «Один турок стоит всего мира». В официальных речах и выступлениях Ататюрка мне обнаружить их не удалось. Возможно, они были произнесены им перед битвой на реке Сакарья или для подбадривания бойцов перед каким-то другим сражением. Однако, вырванные из контекста, они не могли не вызывать у иностранцев снисходительную улыбку.

На проводившейся в Анкаре Международной конференции, посвященной итогам Второй мировой войны, я встретил турецкого историка, с которым познакомился в Баку на форуме «Исламская цивилизация на Кавказе». К нему я и обратился с вопросом, как следует интерпретировать слова Ататюрка, ставящие турка или, возможно, всю турецкую нацию превыше всех в мире. Улыбнувшись, он мне ответил, что речь идет о периоде раздела Османской империи, когда против нее ополчился едва ли не весь мир. Так как в годы Первой, да и Второй мировых войн Турция была чуть ли не единственной полностью суверенной мусульманской страной, туркам необходимо было ощущать себя, по крайней мере, не ниже любой другой нации. К

тому же во Второй мировой войне Турции пришлось отстаивать свой суверенитет, не противопоставляя себя ни одному из миров. Поэтому она и не спешила присоединиться к какой-либо коалиции. Такое объяснение отчасти объясняло нейтралитет, которого придерживалась Турция в годы правления Иненю.

Но в глазах Советского Союза нейтралитет Турции не выглядел столь уж нейтральным при ее ориентации на Германию во время Второй мировой войны и на США и НАТО в период холодной войны. Во всяком случае, ее отношения с СССР нельзя назвать «союзными и дружескими», как их когда-то называл Ататюрк. Даже в большевизме, который по своему духу «был и оставался атеистическим», он видел союзника, помогающего Турции одерживать общие победы над общим врагом. «Победа Новой Турции, – признавал незадолго до смерти Кемаль Ататюрк, – была бы невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально, и материально. Было бы преступлением, если бы наша нация забыла об этой помощи».

Джихады перед кончиной империи

Общность, а точнее схожесть, истории распада Османской и Российской империй (включая, увы, и ее советский период) проявилась и в том, что позднее стали называть джихадизмом. Уже в самом финале Первой мировой войны Османская империя попыталась отсрочить свое поражение с помощью джихадов. Перед капитуляцией она решила примкнуть к джихаду против держав Антанты на севере Африки. Там, в Триполитании и Киренаике, джихад, по существу, не прекращался после начавшейся в 1912 году итало-ливийско-турецкой войны.

Пустыни Северной Африки, помимо найденных археологами древних сокровищ, все еще хранят немало тайн, относящихся к тем джихадам. Они обнаруживаются не только в архивных хранилищах, но и в местах бывших сражений. Мне неоднократно довелось бывать в Ливии, где я собирал материалы для коллективного труда «Ливия в новое и новейшее время». Другой соавтор (С.М.) неоднократно посещал эту страну, готовя статьи и репортажи для «Литературной газеты». В Ливии мы оказались в роли счастливых археологов, которым как в архивных, так и в полевых раскопках сопутствовала удача. Во время работы в Триполи с архивными материалами и документами Института джихада (так называется Институт Новой и Новейшей истории Ливии) нам открылись неведомые тайны истории.

Само слово «джихад» воспринимается в Ливии не как нечто религиозное, священное, а уж тем более не как террористическая война. В Институте джихада хранятся документы и фотоматериалы, которые относятся к длительной национально-освободительной борьбе народов Ливии (она включала в себя Триполитанию, Киренаику и Феззан). Во времена Древнего Рима она называлась просто Африкой. В годы Второй мировой войны судьба Африки, как, впрочем, Ближнего и Среднего Востока, тоже решалась на полях сражений в Ливийской пустыне, сначала под Тобруком, а затем недалеко от небольшого, мало кому ранее известного египетского селения Эль-Аламейн. Сами ливийцы воспринимают джихад как освободительную борьбу, которую они вели в годы мировых войн. Поэтому для населения они слились воедино. Ведь воевать приходилось как против турок-османов и младотурок, так и против итальянцев, немцев, а в период холодной войны, уже после свержения монархии, принимать участие в объявленной Каддафи борьбе против всех «сил мирового империализма и сионизма». Если выделить только годы европейских Великих катастроф, то они, даже вместе взятые, не вмещают все ливийские джихады.

Самым большим для нас сюрпризом стала «бухгалтерия» этих войн. В ее достоверности сомневаться не приходится, так как цифры подтверждены аудио- и фотоматериалами, свидетельствами родственников и близких погибших участников. Потом с некоторыми из свидетелей нам удалось побеседовать. Расследование привело нас к раскрытию тайн прошедшего столетия. Конечно, ни длительная осада Тобрука, обороняемого английским гарнизоном и населением, ни самое большое на африканском континенте сражение под Эль-Аламейном в годы Второй мировой войны, ни массовое уничтожение ливийцев в итальянских концлагерях не могут быть сравнимы с блокадой Ленинграда, Сталинградской битвой или Освенцимом. В сводных таблицах американской «Всемирной истории войн», озаглавленных «Цена Первой и Второй мировых войн», среди стран, понесших наибольшие людские потери на фронтах и в тылу, Ливия вообще не упоминается (в Первой мировой войне она была колонией Османской империи, а во Второй – Италии). Но потери среди мирного населения Ливии за период общего освободительного джихада, по времени совпавшего с двумя мировыми войнами, военные историки в расчет не принимали (как, впрочем, не принимают их и при современном противостоянии джихадов-антиджихадов, террора-антитеррора). В этом – не только антигуманизм войн, но и пренебрежение историков подобными «побочными» издержками. Такая же картина – в

Палестине, Ливане и современном Ираке. Везде мирным жителям приходится платить неизмеримо большую цену, чем тем, которые воюют за их «освобождение» или «демократизацию».

После завершения работы в архивах Института джихада мне посчастливилось продолжить свои полевые исследования в разных районах Ливии вместе с находившимися там на киносъёмках известным артистом Малого театра Юрием Соломиным и директором этого же театра Виктором Коршуновым. Восторгаясь величественными развалинами финикийских, греческих, древнеримских городов, мы непрестанно задавались вопросами, сколько потребовалось труда, сколько угроблено жизнью местных и привезенных издалека рабов при строительстве. Но то, что пришлось нам услышать, поразило гораздо больше, чем древняя история.

В окрестностях этих античных городов и на пути к ним нередко попадались ливийцы со светлыми волосами, голубыми или серыми глазами. Они мало были похожи на бедуинов или оседлых жителей этих мест. В ответ на высказанные нами предположения о возможной генетической перекличке времен античной истории с причудами демографии сопровождавший нас ливийский кинопродюсер высказал свою, сильно поразившую нас версию. Оказывается, еще до того, как начали разыгрываться сражения под Тобруком и Эль-Аламейном, немцы перебросили сюда из лагерей для военнопленных немало «русских рабов». На военностроительных работах они гибли тысячами. Когда война закончилась, некоторые из выживших не репатриировались в СССР и остались в этих местах навсегда. Кто прибился к бедуинам, а кто «арабизировался» в разных селениях, где вначале местные жители прятали их вместе с партизанами-муджахедами. Сколько их погибло и сколько выжило, до сих пор никому не известно.

Поля и погосты «африканского Сталинграда»

Географически Сталинград и Эль-Аламейн находятся далеко друг от друга. Несопоставимы по своим масштабам и те сражения, которые почти одновременно разыгрались на берегах Волги и недалеко от египетско-ливийской границы, у небольшого египетского селения Эль-Аламейн. Но почти их синхронное развертывание с последующей битвой за Кавказ обнаруживает некий стратегический замысел. Есть еще у них малоизвестные до последнего времени гуманитарно-цивилизационные составляющие. Они складываются из человеческих судеб тех, кто принимал в них прямое или косвенное участие. Впервые о судьбе одного из них я узнал из повести «Эль-Аламейн». Автор ее – участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Сергей Борзенко, с которым в 1960-х годах я работал в газете «Правда».

Заинтригованный судьбой героя повести, русского офицера Хлебникова, который после побега из немецкого плена вместе с двенадцатью своими товарищами предпочел воевать, сражаясь под Эль-Аламейном, я от сына автора – журналиста Алексея Борзенко – узнал, что фамилия литературного героя, скорее всего, вымышленная. Эту тему – о судьбе многих наших соотечественников, репатриированных в годы войны из Африки через Ирак и Иран в СССР, позже разрабатывал наш коллега-арабист Владимир Беляков. Ему, проработавшему около двадцати лет в Египте, удалось выяснить, что судьбы большинства репатриантов складывались драматично, еще чаще – трагично. Об этом же рассказывали встречавшиеся с репатриантами генерал армии П.И. Ивашутин, журналист Павел Демченко, профессор Г.Л. Бондаревский.

В годы войны все они в разных ипостасях и должностях проходили службу в Иране.

Почти через сорок лет после окончания Второй мировой войны мы вместе с многознающим гидом Владимиром Беляковым (в то время он собирал материал для своей книги «Приютила Африка Жар-птицу») посетили поля бывших сражений и кладбища-погосты, что возле города Тобрук и селения Эль-Аламейн. Судя по фамилиям и именам на многочисленных солдатских, офицерских и братских могилах воинов двух сражавшихся армий, нетрудно было догадаться о национальности и вероисповедании похороненных здесь. В большинстве своем это немецко-итальянские и англосаксонские имена и фамилии. Среди последних изредка попадаются и славянские. На стенах расположенных неподалеку храмов, мемориальных сооружений и часовен, построенных в католическом, англиканском и протестантском архитектурных стилях, опять же значатся фамилии почти всех тех, кто покоится на этих кладбищах. На памятниках погибших из польской армии Андерса и отдельной бригады карпатских стрелков, воевавших на стороне наших союзников, читаются русские, украинские и еврейские фамилии – Мазур, Максименко, Лебедев, Литвин, Пупин, Крушинский, Твардовский, Зелинский, Храпун, Хмара, Левко, Ивашутин... Когда я потом рассказывал об этом генералу Ивашутину, он задумчиво произнес: «Возможно, среди них был и мой какой-то родственник...»

На памятниках погоста изредка встречаются мусульманские имена. Разумеется, их фамилии не увидишь на стенах здешних христианских храмов и церквей. На английском военном кладбище в Эль-Аламейне воздвигнута колоннада-кенотаф. На ее плитах и стенах выбиты в общей сложности имена около двенадцати тысяч солдат и офицеров союзных армий. Они в разное время погибли в Северной Африке, но места их захоронения не были установлены. Среди них, правда, уже встречаются славянские и мусульманские имена. В близлежащем арабском селении имеется мечеть, но, очевидно, здесь не принято увековечивать имена неизвестно где похороненных мусульман.

К сожалению, даже спустя шестьдесят лет после окончания войны никто не догадался построить в этих местах православный храм. Только в Тунисе, в русской церкви мы увидели мемориальную доску с выбитыми на ней шестью фамилиями русских эмигрантов, «павших на поле брани в 1939–1945 годах». Но ведь погибших в Северной Африке наших соотечественни-

ков было гораздо больше. Там использовались на каторжных работах тысячи советских военнопленных. Те, кто сумел бежать из немецкого плена, влились в армию союзников. По разным оценкам, их общая численность определяется от пятнадцати до двадцати пяти тысяч. Привезенных сюда на военно-строительные работы недаром называли «русскими рабами». В армии Роммеля советских военнопленных определяли на самые тяжелые участки. После освобождения их союзными войсками не более десяти тысяч были репатриированы в СССР через страны Ближнего Востока. Следовательно, треть из них погибла. Ни имена, ни места их захоронения до сих пор так и не установлены. Как говорят, мертвые сраму не имут, но оставшиеся после войны в живых, особенно их потомки, обязаны хранить о них память, находить способы их увековечивания. Они могут быть самыми разными. Память – дело святое, а забвение – дело срамное.

О том, что утвержденные Гитлером планы операций «Барбаросса», «Феникс», «Средний Восток» и «Манулла» увязывались между собой нефтью и стратегией, убедительно свидетельствуют новые документальные и архивные материалы, которые обсуждались историками на состоявшемся в Институте Африки РАН «круглом столе», посвященном шестидесятилетию Победы над нацизмом. Собранные материалы симпозиума были потом опубликованы отдельным изданием под общим названием «Африка во Второй мировой войне». В него включено специальное исследование известного специалиста по истории Африки и Ближнего Востока в годы войны профессора М.Ю. Френкеля под названием «Сталинградская битва и Африка». В своей работе автор наглядно показал, что в планах Гитлера Африка и Ближний Восток рассматривались с началом военных действий на Восточном фронте в 1941–1942 годах как важный плацдарм для осуществления броска на Ближний Восток и Кавказ. Далее предусматривалось продвижение через Иран, Афганистан и Индию навстречу войскам своего союзника по Оси – Японии.

Главной целью другого плана был захват Сталинграда и Кавказа с последующим прорывом через Иран и Ирак к Суэцкому каналу для воссоединения с наступающими из Ливии и Египта немецко-итальянскими войсками под командованием Роммеля. Словом, и в том и другом варианте Сталинград и Кавказ рассматривались как ворота, открывающие путь в обоих направлениях – с Африки и Ближнего Востока на Индию и Дальний Восток, а от Волги через Кавказский хребет на Ближний Восток и Африку. Гитлеру и его союзникам по оси в обоих случаях Россия с Кавказом представлялась мостом для прорыва и завоевания как Ближнего, так и Дальнего Востока. Но проход через этот «мост» не состоялся. Войскам захватчиков с обеих сторон были нанесены сокрушительные удары. В своей совокупности они гораздо в большей степени решали исход Второй мировой войны, чем все другие операции, будь то на севере Атлантики или юге Тихого океана.

В мае 1941 года, незадолго до вторжения в Россию, по приказу Гитлера был создан так называемый особый штаб «Ф» во главе с генералом Фельми. На него возлагалась вербовка агентуры из мусульманского населения для действий на Ближнем Востоке и в Африке. Тогда же была начата подготовка разведчиков, диверсантов и террористов. Из них создавались специальные подразделения, а затем и особый корпус «Ф». После овладения Кавказом их предполагалось направить в Западный Иран и Ирак с выходом к Персидскому заливу. Один из батальонов полностью состоял из арабов. Их вербовали преимущественно из числа тех десяти тысяч, что были взяты в плен войсками Роммеля в Ливии и Египте. В октябре 1942 года особый корпус «Ф» уже принимал участие в боях на Северном Кавказе. Наряду с арабскими отрядами немцы собирались создать особый индийский батальон из мусульман и индусов.

С началом боев на Кавказе почти синхронно подготавливались, а в ряде случаев и осуществлялись мятежи в Ираке, Сирии и Ливане. Инициировала их германская агентура для содействия вторжению войск вермахта на Ближний Восток через Кавказ и Египет. С ноября 1941 по сентябрь 1942 года планировалось нанесение трех одновременных или последователь-

ных ударов по арабским странам: из Ливии – по Египту, из Болгарии через Турцию – по Сирии, Ливану и Палестине, а из Закавказья через Иран – по Ираку с выходом к Персидскому заливу. Уже через две недели после начала войны против Советского Союза Гитлер предложил перебросить на болгарско-турецкую границу не менее четырех танковых дивизий для возможной операции на Ближнем Востоке. В январе 1942 года фюрер в беседе с японским послом в Берлине уточнил, что цель новой кампании – выход к нефтяным районам Баку, Ирана и Ирака. Были установлены даже разграничительные линии между немецко-итальянскими войсками, продвигавшимися с запада, и японской армией. Эти линии проходили через Ташкент, Кабул и пустыню Тар в Индии.

Но вскоре немецко-итальянским войскам пришлось заняться сокращением линии фронта на Кавказе и перегруппировкой в Северной Африке.

Вторая мировая война стремительно и жестко вовлекала мусульманские народы в свою орбиту. Это происходило по мере принятия Гитлером одних и пробуксовки других амбициозных планов. Один из них (стратегическая операция «Феникс») ставил своей целью полную изоляцию Великобритании от ее нефтяных ресурсов в мусульманском мире, установление прямого контроля над колониями Англии и Франции в Северной Африке и на Ближнем Востоке, последующий выход на Кавказ и в Индию для соединения с силами Японии.

Позднее этот план, получивший кодовое название «Большой Средний Восток», непосредственно увязывался с замыслами нападения на Советский Союз. План втягивания Турции в войну имел кодовое название «Гертруда». Дальнейшая операция по прорыву в Индию через Афганистан называлась «Баядера». При этом определенные надежды Гитлер возлагал на антиколониальные выступления мусульман, нередко настроенных прогермански.

Германо-арабское сближение и в самом деле могло получить развитие, если бы летом 1942 года в Африке английским войскам не удалось остановить продвижение Роммеля к Нилу, а вермахт не потерпел бы поражение сначала под Москвой, а затем в Сталинграде и на Кавказе. Это имело прямое отношение и к балансированию Турции между немцами и союзниками по антигитлеровской коалиции. Что касается Сирии и Ливана, то, как писал французский историк Монтаньон, они «ради быстреего обретения своей независимости готовы были договариваться даже с чертом».

Из семи ближневосточных арабских стран только Саудовская Аравия и Трансиордания политически и экономически были традиционно тесно привязаны к Великобритании и США. Вместе с тем они должны были выражать мусульманскую солидарность со своими арабскими братьями, которые уже тогда были настроены крайне воинственно против сионистского движения. Лондон, не желая вступать в конфронтацию с арабским миром, вынужден был пока придерживать еврейскую иммиграцию в Палестину.

Италия, объявив войну Великобритании и Франции в июне 1940 года, сразу направила через Ливию свои войска под командованием маршала Грациани для вторжения в Египет. Но находившаяся там британская группировка «Нил», почти полностью разгромив итальянские войска, выбила Грациани из Египта и восточной части Ливии, заняла Киренаику. Сто пятьдесят тысяч итальянцев попали в плен и только десять тысяч поспешно отступили на запад, в Триполитанию. Словом, армия Грациани прекратила свое существование, а самого маршала предали военному суду. Спасая своего незадачливого союзника, немцы поспешили направить в Ливию бронетанковый африканский корпус под командованием генерала Роммеля. После долгих позиционных боев с мая по октябрь 1941 года Роммель был вынужден отступить на 900 километров в глубь Ливии, потеряв двадцать пять тысяч убитыми и ранеными; более тридцати шести тысяч человек попали в плен. В январе 1942 года Роммелю удалось нанести контрудар и ненадолго отбить у англичан большую часть занятой ими территории. Однако армия Роммеля испытывала острую нехватку вооружения, боеприпасов и горючего, да и потери, что она несла, почти не возмещались. Начавшееся ее отступление было скорее похоже на бегство. Итальян-

ская армия в Ливии еще раньше оказалась разгромленной. Свыше ста десяти тысяч итальянских солдат и офицеров попали в плен. Вскоре англичане перебросили часть своих войск в Грецию, чем не замедлил воспользоваться Роммель.

Объединенные итало-германские войска, подступив к Тобруку, подвергли его длительной блокаде. Вместе с англичанами в его обороне участвовали батальон ливийских добровольцев и значительная часть взрослого населения города. Тобрук продержался в осаде почти восемь месяцев. Рассказывая нам об этом, ливийцы с гордостью называли Тобрук «африканским Сталинградом».

Белый конь без седока

Овладев Тобруком, Роммель предпринял второй поход на Египет. Пройдя почти беспрепятственно 400 километров по египетской земле, его войска в конце концов достигли небольшого селения Эль-Аламейн. До Александрии оставалось всего 123 километра. Роммель уже принимал поздравления с победой и присвоением ему звания генерал-фельдмаршала. Падение Александрии и Каира в течение одной-двух недель считалось делом решенным. Муссолини поспешил даже вылететь в Ливию, захватив с собой белого коня. На нем он собирался въехать не только в Каир, но и в Иерусалим. В будущем он, вероятно, мнил себя «папой всех католиков» и одновременно «халифом всех мусульман». Однако белый конь ему не понадобился. Роммелю не повезло: его прорыв к Эль-Аламейну происходил в кульминационный момент самого крупного сражения Второй мировой войны – битвы под Сталинградом.

Из-за понесенных на берегах Волги огромных потерь Гитлер вынужден был лишить африканский корпус Роммеля даже тех небольших резервов, которые ему предназначались, отправив их в Россию. В январе 1943 года германские войска покинули Триполи, а в первой половине февраля отошли к оборонительному валу линии Марет на территории Туниса. Роммель стремился сохранить за собой хотя бы Тунис как важный стратегический плацдарм в Северной Африке. Но к этому времени у фельдмаршала уже не было ни сил, ни средств. Группа армий «Африка» в мае 1943 года капитулировала.

Как рассказывали нам ливийские историки в Триполи, на территории страны за годы Второй мировой войны произошло более ста двадцати сражений. В них приняли участие около полутора миллионов человек. Населенные пункты более трех тысяч раз подвергались воздушным и морским бомбардировкам (полностью были стерты с лица земли три города и двенадцать деревень). Ливия понесла огромные потери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.